
ШАГ ЗА
КРАЙ
АРТЁМ ПОСОХИН
18+

Артём Посохин

Шаг за край

https://litres.ru/74732653
SelfPub; 2026

Аннотация

Шаг за край - сборник рассказов.
Это нить. Это линия на асфальте.
Это черта, с которой начинается всё. Или заканчивается?
Никто не приходит к краю случайно.
Магия. Технология. Зов горизонта. Побег от себя прежнего...
Не важно, что подтолкнуло. Важно, что ты здесь.
И остаётся один вопрос: замереть у черты или сделать шаг.
Шаг за край.

Содержание

От автора	6
Искатели	9
Хор	27
Красная звезда	61
Завтра	77
Конец ознакомительного фрагмента.	96



Артём Посохин
Шаг за край

От автора

«Шаг за край» — мой второй сборник: рассказы 2022 – 2026 годов. Название честное: в этой книге я вышел за привычные границы. Писал в чужих вселенных. Писал к сроку. Позволил себе быть смелее, создавая миры, героев, артефакты.

Здесь соседствуют рассказы короткие и длинные, стремительные и неспешные, странные и с виду простые. Но скрытый смысл есть в каждом.

Почти у каждого был повод появиться на свет: конкурс, фестиваль, литературное событие. Но повод давал только срок. Причина всегда одна — удовольствие. Без него я не пишу.

«Искатели» вышли в альманахе «Сфера жизни» Литературной мастерской Сергея Лукьяненко в 2025 году.

«Корректор истории» написан на Международном литературном фестивале «Звёзды над Донбассом».

«Красная звезда» — рассказ для конкурса по вселенной «Самосбор». Место действия — Гигахрущёвка: бесконечный панельный дом из тысяч сросшихся блоков, похожих на

советские хрущёвки.

«Завтра» — фанфик по романам Сергея Лукьяненко «Черновик» и «Чистовик». Рассказ отобран в будущий сборник, а об идее Сергей Васильевич написал: «История намечена любопытная, главное — за изложением философии не потерять живых людей». Получилось ли — судить тебе.

«Феникс», «Бессмертное безумство» и «Четвёртый уровень» опубликованы в сборнике КИФ-6 «Современная война» Клуба Имморт-Фантастики, на бумаге и в электронном виде.

«Хор» — научная фантастика, психологическая драма в космосе. Рассказ попал в шорт-лист конкурса на сборник АСТ. До финала не дошёл. У жюри свой вкус, у рассказа — свой читатель.

«Место силы» появился иначе. Из одного образа: старое кожаное кресло, на подлокотнике потрёпанный томик. А дальше как в сказке — сказать «горшочек, не вари» забыли. Вышла быстрая, мрачноватая и всё-таки романтичная история.

«21 день» — рассказ (18+), который я писал, слушая героя. Мартин — матершинник, жулик и рецидивист. Заставить его говорить без брани я не смог: без неё он был бы уже не он. Так что ругательства здесь не приём, а характер. С этим и с желанием написать что-то в стиле Паланика я сел за рассказ. На мой взгляд, получилось отлично. Так говорят и те, кто уже прочитал. Удалось то, что редко удаётся в ан-

тиутопиях: показать, что герои выбирают свой ад осознанно, с открытыми глазами. И это страшнее, чем если бы их заперли насильно. Хотя всё относительно. Быть может, свой ад, переделанный в рай, куда приятнее свободы. Но судить каждому. Только прошу — не строго.

За этими рассказами — несколько лет моей жизни. Всякое было. Есть что вспомнить.

Читайте. Мечтайте. Путешествуйте по неведомым мирам.

Приключениям быть!

Искатели

«Есть только два способа прожить жизнь. Первый — будто чудес не существует. Второй — будто кругом одни чудеса»
Альберт Эйнштейн

1

Волею судьбы или случая, но однажды нам посчастливилось вырваться из лап смерти. Мы не покинули мир живых. Мы получили второй шанс.

Всё перевернулось с ног на голову. Хорошо это или плохо — время покажет. Как и прежде, наши души наполнены светом искренней веры в чудеса. Они сияют и кружатся в бесконечном танце жизни и смерти, между настоящим и иллюзорным. На первый взгляд иллюзорным. Мы же стараемся уверенно смотреть в будущее, упрятанное за призрачной пеленой неизвестности, достойно выполняя возложенную на нас миссию. Другого, как и выбора вообще, нам попросту не дано, ведь мы — Искатели.

Из задумчивости меня вырвал протяжный гудок несущейся мимо машины. Ослепляя светом фар, автомобиль слегка вильнул, объезжая сумасшедшую парочку, сидящую посреди дороги — нас. Ощущая прохладу асфальта под собой, я посмотрел на стаканчик кофе, аккуратно накрытый пластиковой крышкой. Дана поставила его на серую от грязи раз-

делительную полосу — границу, которая определяла наши зоны ответственности.

— Ты обещал рассказать, — напомнила Дана, пододвинув ко мне стаканчик с кофе настолько близко, насколько позволяли правила. — Нужно держать слово, Игорь, — добавила она, взглянув с прищуром.

Я только усмехнулся. Манипулятор из неё прямо-таки отличный.

Еще неделю назад я и думать не думал, что окажусь в подобной ситуации. И до сих пор не уверен, что успел всё осознать. А тут ей откровение подавай.

— И-горь, — с явным нажимом вновь произнесла она, поправляя свой шарф.

Продолжая ёрничать, я взял стаканчик с бодрящим напитком, демонстративно поднес его к губам и сделал глоток.

— Ммм, — протянул с наслаждением, — а ты отличный бариста, коллега. Всё как я люблю: без сахара и немного корицы.

Дана нахмурилась, давая понять, что её терпение на исходе.

— Ладно-ладно, расскажу, — сдался я.

А про себя подумал: «Как же всё-таки хорошо быть живым».

2

Шагая по Невскому проспекту, в сторону Литейного, где

находился мой уголок — скромная квартирка-студия — я то и дело терял равновесие. Под ногами, в световых пятнах фонарей, в свете пробуждающихся звёзд и окутанной рваными облаками луны покрытый корочкой льда асфальт искрился, как фольга под настольной лампой. Вот она — характерная особенность поздней петербургской осени.

«Не стоило так засиживаться с ребятами», — размышлял я, зевая во весь рот.

— Помогите! — вдруг донёсся до ушей пронзительный женский крик, прерывая моё мысленное самобичевание.

Я инстинктивно остановился. Прислушался.

— На помощь! — вновь раздался из тёмной арки, располагавшейся чуть дальше по улице, женский голос с надрывом.

Я осмотрелся. Как назло, в поле зрения не было ни души.

Сердце бешено заколотилось, молниеносно нахлынувшие мысли, сплелись в тугой пульсирующий клубок. Разум твердил: «Не ходи туда». Но внутренний голос — тот, по-видимому, что отвечал за героическую сторону моего «я» — воскликнул: «Нельзя проходить мимо. Нужно помочь».

Сжав в карманах кулаки, я решительно вошёл в темноту арки и, словно продравшись сквозь плотные кулисы на сцену, оказался посреди плохо освещённого двора. Тусклый свет, пробивающийся из нескольких окон второго этажа, освещал фигуру женщины с длинными чёрными волосами, в бежевом пальто и блестящих высоких сапогах. Вжимаясь

спиной в стену и прикрываясь сумочкой, она стояла, застыв, и напоминала манекен из модного бутика весенней одежды. Однако её лицо, искажённое ужасом, ясно давало понять: это не модель и не манекен, а жертва.

— Не подходи ко мне! — выкрикнула женщина, заставив меня вздрогнуть.

Обращалась женщина явно не ко мне. Я проследил за её взглядом и увидел появившегося в пятне света мужчину: высокого, широкоплечего, в тёмной одежде.

— Отдавай сумочку и все свои украшения, — просипел он, потирая ладони в предвкушении лёгкой добычи.

В воздухе повисло напряжение. Кажется, он не успел меня заметить. Борясь со страхом, я отступил на шаг назад, предательски шаркнув подошвой. Грабитель обернулся и посмотрел на меня. Капюшон скрывал часть его лица, отбрасывая тень на глаза и делая образ ещё более зловещим.

Секунда. Вторая.

Не давая мне возможности продумать план действий, грабитель резко рванул в мою сторону.

— Бегите! — только и успел я крикнуть женщине.

Подбежав, злоумышленник схватил меня за грудки и попытался швырнуть оземь. Краем глаза заметив убегающую со двора женщину, я, недолго думая, съездил хуком справа по лицу противника. Завязалась драка.

Удары, блоки, выкрики… Дыхание становилось всё более тяжёлым. Грабитель оттолкнул меня и ударил ногой в жи-

вот. Согнувшись пополам, я ощутил, как мир вокруг начинает расплываться… исчезать в темноте. Но, борясь с болью, я стиснул зубы и выпрямился, поднял сжатые кулаки, всем своим видом показывая, что не намерен сдаваться. Тогда противник выхватил из кармана нож, блеснуло лезвие. Движением полным решимости и жестокости он сделал резкий выпад. Боль пронзила левый бок. Последовал еще удар. И следом — вспышка сжигающего изнутри огня в груди, в области сердца.

— Щенок, — просипел грабитель, тяжело дыша. — Сам виноват, — протянул он, словно оправдываясь за содеянное.

— Пошёл ты, — прошипел я, прижимая скрещённые ладони к ране на груди и падая на колени.

Картинка реальности, несколько раз моргнув, закрутилась в пульсирующую пёструю пелену: светящиеся окна, рассеивающаяся в темноте широкоплечая фигура, звёзды, луна. Холодный пот стекал по спине, как будто сама смерть уже заключала меня в свои объятия, обхватывала ледяными руками.

Вдруг грабитель сначала издал сдавленный стон, затем начал торопливо шептать. Мне удалось расслышать: «… и прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим. И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

С трудом, но мне всё-таки удалось поднять голову. Я посмотрел на него и обомлел. Выгнувшись в спине, его дёргающееся в конвульсиях тело парило, вращаясь метрах в двух

над землёй. Даже в тени капюшона было видно два пылающих огнём глаза. Казалось, по венам его теперь текла не кровь, а раскалённая лава, покрывающая светящейся под кожей сеткой всё тело. Словно пойманная на крючок рыба, мужчина безмолвно открывал и закрывал рот, то ли пытаясь закричать от боли, то ли силясь вдохнуть. С каждым мигом его тело теряло упругость и цвет, превращаясь в серый пепел. Горящий внутри него огонь достиг своего пика, когда раздался негромкий хлопок. Мгновение — и сильный порыв ветра, словно чей-то подручный, унёс облачко пепла за пределы двора. Звонко ударившись о землю, упал нож, затем плавно опустилась дымящаяся одежда.

«Предсмертные игры разума», — подумал я, чувствуя, как последние силы покидают моё тело.

— А я вовремя, — вдруг послышался спокойный мужской голос.

Морщась от бессилия и боли, я сосредоточился на внезапно возникшей передо мной фигуре. Поморгал, но она не исчезла. Это был высокий мужчина, облачённый в плащ, ткань которого переливалась всеми оттенками ночи — от глубокого синего до насыщенного чёрного. Полы плаща с такой лёгкостью развевались на ветру, словно он был соткан из тени.

— Кто вы? — на выдохе спросил у него я.

— Добрый вечер, Лучезарный, — поздоровался со мной незнакомец, слегка склонив голову и приподняв шляпу. Его баритон звучал как-то… утешительно. — Позволь предста-

виться. Я — Эфор.

— Здравствуйте, — простонал я. — Вы смерть?

— О нет, — ответил мужчина. — Всё как раз наоборот. В твоём случае, я — жизнь, — он усмехнулся.

Но мне было не до смеха. Не в силах больше стоять на коленях, я повалился на бок. Закрыл глаза.

— Ты веришь в чудеса? — голос назвавшегося Эфором прозвучал возле самого уха.

— Угу, — промычал я, чувствуя, что начинаю терять сознание.

— Оно и видно. Светишься, как мотылёк, — он похлопал меня по плечу. — Есть предложение, — его голос стал более официальным. — Я сохраню тебе жизнь, если согласишься стать Искателем.

Я молчал, старательно переваривая услышанное, а Эфор продолжал:

— Функция проста: поиски проявления сверхъестественного и сбор энергии — она же «эфир». Ты будешь вроде участкового — в своей зоне ответственности. Только контингент немного другой: маги, шаманы, ведьмы, оракулы и прорицатели, люди, что неправильно используют различные заклинания, артефакты и силу мысли, — пояснил он.

«Я сохраню тебе жизнь», — повторил эхом голос Эфора внутри моей головы.

— Да, — простонал я. — Согласен.

Можно подумать, у меня был выбор.

— Угу, — протянул незнакомец. — Клятву ты сейчас, конечно, не в состоянии произнести, так что я сделаю это за тебя.

И он начал горланить на весь двор, совершенно не переживая, что его могут услышать:

— Я, Чудинов Игорь Алексеевич, добровольно вступаю в ряды Искателей планеты Земля. Кивай.

Я кивнул.

Правда происходящее сейчас со мной или бред умирающего сознания — было не важно. Но происходило что-то до жути любопытное.

— Клянусь соблюдать кодекс Искателей и добросовестно исполнять возложенные на меня обязанности, — продолжил чтение клятвы странный спаситель. — Извини, на ознакомление с деталями времени у тебя совершенно нет, а сил осталось буквально на кивок. Клянёшься?

И я снова кивнул.

— Добро пожаловать в ряды славных Искателей, мой юный друг, — торжественно провозгласил Эфор.

Сперва до ушей донёсся резкий звук разбивающегося предмета, словно хрустальную стопку, после того как опрокинули до дна, с размаху швырнули о землю. Затем последовала яркая вспышка. Я распахнул веки, и ослепительный свет обрушился на меня роем мерцающих огоньков, рассекающих ночную тьму и вонзающихся в мою кожу, словно маленькие шершавые стрелы. Их живительная сила вмиг раз-

лилась по телу, убирая боль и наполняя силами.

Часто моргая, я поднялся с земли. Рука скользнула под свитер. Кончиками пальцев я провёл по боку, затем — по груди. С неподдельным удивлением заключил, что раны исчезли. Теперь о них напоминали лишь два бурых пятна на свитере.

Приблизившись, Эфор взял мою ладонь. Вложив в неё увесистый мешочек из холщовки, посмотрел прямо в глаза. Его взгляд был безэмоциональным и одновременно усталым — как у кота, который обнаружил, что его жертва неудачно спряталась в углу, под диваном, и теперь он расправится с ней, когда пожелает. Я с сомнением ощупал увесистый мешочек дрожащими пальцами. Он был слегка тёплым и позвякивал лежавшими внутри круглыми предметами.

— Ах да, самое главное… — Эфор протянул мне наручные часы.

Я взял их и принялся рассматривать. Широкий кожаный браслет чёрного цвета, корпус, скорее всего, отлитый из меди. Прямо под выпуклым стеклом слегка подёргивалась и еле заметно светилась красно-синяя стрелка — наподобие тех, что устанавливались в компасы. Под ней, как и положено классическим часам, были стрелки: секундная, минутная и часовая. В пластине циферблата, украшенного рисунком восходящего солнца с пятью лучами, разбегающимися во все стороны, имелось три прямоугольных поля.

— Дата, время и координаты, — пояснил Эфор. — Лучи

солнца — это уровень заряда. Нужно будет забирать часть изъятой энергии себе — для поддержания жизни. Впрочем, все это ты поймёшь по ходу выполнения своей основной функции, — он поджал губы и многозначительно кивнул.

На задней крышке часов обнаружился выпуклый узор, напоминающий печать. Центральный элемент представлял собой стилизованный знак времени — песочные часы, перечёркнутые большой буквой «И», окружённые звёздами и луной. Всё это заключалось в круг из извилистых декоративных ветвей неведомых мне растений.

— Будет немного неприятно, — предупредил меня Эфор. — Когда часы окажутся на запястье, магия печати активируется и начнёт взаимодействовать с энергией владельца — с твоей энергией.

Поборов возникшее сомнение, я приложил часы к запястью и принялся застёгивать ремешок. Сначала ощущение было едва заметно — легкое прохладное покалывание, будто крышка сделана изо льда. Но вскоре это покалывание переросло в пронизывающую боль. Усиливающаяся пульсация словно ток прошла по венам, с каждой секундой проникая всё глубже. Я сжал кулаки, зажмурился. Каждый удар сердца отдавался в запястье. Тук-тук. Тук-тук. Я уже готов был закричать, но боль вдруг отступила. Исчезла.

— Ну и славно, — Эфор достал из внутреннего кармана пальто небольшую брошюрку, отдал мне.

«Кодекс Искателя», — прочитал я на бежевой, потрёпан-

ной временем обложке.

— Что дальше? — борясь с дрожью в голосе, спросил я.

— Пойдём прогуляемся, — предложил Эфор.

3

Мы вышли со двора и прогулочным шагом направились вдоль по улице. Некоторое время просто молчали.

Потом Эфор набрал в грудь воздуха и заговорил:

— Твоя зона ответственности, — Эфор жестом указал на перекрёсток, к которому мы приближались, — очерчена светящимися барьерами.

Сначала неосознанно, а потом намеренно и внимательно я принялся разглядывать полупрозрачную тонкую пелену, которая поднималась из разделительной полосы дороги и уносилась ввысь, растворяясь в черноте ночи.

— Предугадывая твой вопрос, скажу сразу… — он назидательно поднял указательный палец. — Искателю категорически запрещено пересекать эту границу.

— Почему? — нахмурившись, спросил я.

— По ту сторону — зона другого Искателя, — ответил Эфор и приветственно помахал девушке, находившейся на противоположной стороне улицы.

Она излучала еле уловимое белое свечение — нечто вроде ауры.

— Это твоя коллега — Дана, — сообщил мне Эфор.

Робко кивнув девушке, я попытался рассмотреть, как да-

леко уходит этот сияющий барьер. Посмотрел направо, налево, но изгиба или прерывания светящегося полотна так и не увидел. Мне жутко захотелось попробовать пройти сквозь него. Или хотя бы пнуть носком ботинка по этой светящейся пелене, заключившей меня в загон, как ретивого коня. Ну, или чудом выжившего жеребёнка — тут уж с какой стороны посмотреть.

— В мрачных переулках и на шумных улицах современных городов магия и сверхъестественные явления проявляются в самых неожиданных и необычных формах, — он обвёл взглядом пространство. — Все это возникает не как что-то абстрактное, а как отражение эмоций, мыслей людей, наполненных стремлением, надеждой или страхом. Зачастую источником этих явлений служат старые легенды и мифы, приходящие в наш мир из забытья, через уверовавшее в них людское сознание.

Я вопросительно посмотрел на Эфора.

— Твоё первое задание мы выполним вместе, — сообщил он, кивая на часы.

Стрелка-компас начала подёргиваться, указывая направление. В полях с координатами и временем появились цифры и символы.

— Опаздываем, — заключил я.

— Опаздываешь, — поправил меня Эфор и улыбнулся.

Я вытащил свой смартфон, вбил координаты в приложение «Карты», посмотрел маршрут и расстояние до нужного

места.

— Это совсем рядом, — сообщил я. — Буквально за углом.

— Тогда полный вперёд, — воскликнул Эфор и, изображая с помощью собранных в лодочки ладоней весы, добавил:

— Нам — энергия, реальности — равновесие.

Буквально через пару минут мы достигли точки «Б» — небольшого парка, раскинувшегося между двумя оживлёнными улицами. Я застыл на месте, глядя на здание, выросшее посреди зелёного островка. Раньше его здесь точно не было. Необычное трёхэтажное строение, словно сотканное из тумана, постоянно меняло очертания, слегка вибрируя и то и дело покрываясь рябью. В его окнах и рядом с крыльцом виднелись парящие над землёй безликие существа, облачённые в свободные, медленно развевающиеся одежды. По-видимому, это были жители зыбкой, эфемерной постройки.

— С подвохом, — вздохнул Эфор. — Самое то для первого задания. Запомни правило: сперва найди источник, потом действуй.

— Найти источник, — повторил я и кивнул, словно понимал, о чём речь.

Мы подошли к сидевшему на лавочке мужчине, которого я не сразу заметил. Ссутулившись, будто весь мир давил на него своей тяжестью, тот в одной руке держал старое фото, ладонью второй — прикрывал лицо. На пожелтевшем от времени снимке угадывались очертания уже знакомого нам

здания.

— Повторяй за мной, — сказал Эфор.

Словно под гипнозом, я повторил его действия: достал из мешочка сферу, положил её на ладонь, вытянул перед собой руку. Сосредоточился.

Секунда, вторая, третья…

Контур фотографии в руках сидевшего на лавочке вспыхнул белым огнём. Но мужчина этого, похоже, не замечал. Затем прямо по центру фотографии проявился символ: грубо начерченная толстыми красными линиями пентаграмма.

— А вот это уже хуже, — Эфор с опаской покосился в сторону туманного дома.

Извивающиеся шлейфы света потянулись от фотографии к сфере на моей ладони. Прозрачные глянцевые стенки сосуда, словно губка воду, впитывали эту энергию в себя, с каждым мгновением сияя всё сильнее и сильнее. Фотография вспыхнула огнём в руках сидевшего на лавочке. Бедолага подскочил как ужаленный и, тряся обожжённой рукой, без оглядки помчался прочь.

Осмотрев светящуюся сферу размером с теннисный шар, я спрятал её в карман.

— Источник уничтожен, — сказал Эфор. — Но объект успел материализоваться в мире духов, — с сожалением в голосе пояснил он, кивая на здание.

Полные решимости, мы быстро зашагали к призрачному дому.

Парящие возле него сущности, заприметив нас, начали видоизменяться. Их до этих пор вполне человеческие лица и очертания тел стали искажаться, и сущности начали превращаться в чудовищных монстров. Они сливались с тенями, проявляясь и исчезая, демонстрируя свою агрессию, как разъярённые животные, готовые к атаке.

— Защитная реакция места, — пояснил Эфор и, дёрнув плечом, добавил:

— Хаос и мрак низшей ступени. Вдвоём на раз-два разберёмся.

Я кивнул, вытащил правой рукой из висевшего на ремне мешочка новую сферу и обхватил её покрепче пальцами. Воздух вокруг стал густым, чувствовалось, как нарастает напряжение.

Внезапно одна из сущностей замерла, а потом принялась втягивать в себя окружавший её туман и находившихся рядом собратьев. Призрачное тело её значительно выросло в размерах, обрело силу. С длинными, раздутыми руками, выставленными вперёд, это нечто встало на нашем пути, явно требуя, чтобы мы остановились. Кивнув друг другу, мы показали сущности лежавшие на ладонях сферы. В неясных её глазах вспыхнули красные искры. Отступив на шаг назад, страж призрачного дома раскинул руки и выгнулся, ощетинившись остроконечными наростами, видневшимися из-за спины и на плечах. Разинув искажённую ненавистью пасть, монстр издал утробный вопль.

— Ищи источник силы, — крикнул мне Эфор. — В нашем мире мы его устранили, а вот в мире духов — нет.

Я пробежался взглядом по окутанному туманом парку, затем — по рядам окон загадочного дома. Бинго! В одном из них мерцало тусклое красное свечение.

— Этот уродец — мой, — сказал Эфор.

Я кивнул в знак согласия. Обогнув призрачного стража по дуге, я вбежал на крыльцо. Вдох-выдох. Изо рта вырвались клубы пара, пальцы начало покалывать от холода. «Будь что будет», — подумал я и, распахнув дверь, вошёл внутрь призрачного здания. Взгляд метался из угла в угол, пока не наткнулся на лестницу, ведущую на второй этаж. Не обращая внимания на исходящий отовсюду шёпот, который с каждой секундой становился всё настойчивее: «Умрёшь… Убирайся… Прочь проклятый… Остановись…», — я устремился вверх. Трясущиеся пальцы сжимали сферу. Я взглянул на часы — стрелка указывала в сторону единственной двери в конце коридора. По спине пробежал холодок. Медленно, с настороженностью я подошёл к двери и распахнул её. В полумраке, окутанном паутиной и туманом, стояла девушка. Длинная серая мантия обвивала её худое тело, а чёрные как ночь волосы струились по плечам. Лицо — бледное и изящное — было изувечено знаками, вырезанными прямо на коже.

Она начала произносить звучавшие как заклинание слова на непонятном мне языке. Вибрация здания усилилась,

словно началось землетрясение.

— Ты умрёшь, — прошипела ведьма. — Уходи. Прочь! — последние слова она выкрикнула и взмахнула рукой.

Невидимой силой меня отбросило назад. Ударившись о стену спиной, я рухнул на пол. Промелькнула мысль: «Не помешала бы сейчас помощь Эфора».

Собравшись с силами, я поднялся и, вытянув перед собой руку, разжал пальцы, что держали сферу. Игнорируя доносящийся со всех сторон назойливый шёпот, я сосредоточился на нужном мне результате. И у меня получилось. Изгибаясь красными и синими молниями, искрящимися по контуру белыми огоньками, энергия вырвалась прямо из груди ведьмы и устремилась к прозрачному сосуду. Силы стремительно покидали её тело, и тогда она издала истошный крик:

— Оставь меня в покое!

В комнату ворвалось несметное количество призраков. Они обступили меня, как стая хищников, и начали кружить вокруг хороводом, ускоряясь с каждой секундой и издавая при этом неразборчивое мычание. Заключённый в центр фантомного вихря, я сосредоточился, как никогда прежде, на лежащей на ладони светящейся сфере. Та наполнялась тёмной энергией ведьмы, и я чувствовал, что вместе с ней забираю горечь и отчаяние присвоенных ею когда-то душ. Когда последний луч колдовской силы вырвался из дряхлого тела, она безвольно рухнула на пол.

— Свобода, — прохрипела поверженная ведьма и бес-

следно исчезла.

Комната затряслась, пол под ногами заскрипел и покачнулся. Из туманных стен наружу начал прорываться свет — яркий, ослепляющий, олицетворяющий реальность, готовую разрушить колдовские иллюзии. Дом словно вздохнул с облегчением, избавившись от оков тёмной волшбы. Я даже не успел вскрикнуть. Всё вмиг испарилось. Пролетев несколько метров вниз, я упал на жухлую полянку. «Кажется, ничего не сломал, — подумал я. — Что ж… И то хорошо».

Опираясь на локти, приподнялся, осмотрелся. Но ни Эфора, ни дома с призраками не увидел.

В тишине ночи, лёжа посреди городского парка и глядя на мерцающие звёзды, я пытался осмыслить те события, что кардинально перевернули всю мою жизнь. «Прежде всего нужно изучить Кодекс Искателя и как следует отдохнуть», — подумал я.

Поднялся с земли и направился домой, глядя на привычную мне реальность совершенно другими глазами.

Всё это казалось невероятным, но факт оставался фактом: теперь я Искатель.

Приключениям быть!

Хор

1

Черноту режет свет прожекторов космического корабля «Топос» — и у видавших виды космонавтов на миг перехватывает дыхание.

Стены самого большого кратера на астероиде АС-089 покрыты сотнями наростов — полупрозрачных коконов, будто сотканных из паучьего шёлка. В глубине каждого покоится сфера, мерцающая перламутром — опаловым, тревожным, почти живым светом. Тысячи этих жемчужин, если смотреть издалека, вдруг складываются в контур. Огромное лицо. Лицо, глаза которого смотрят прямо в душу незваных гостей.

Минуту назад «Топос» тяжело опустился на пепельно-стекловидную поверхность — неуклюже, как перекормленный жук, устраивающийся на ночлег. Сегодня экипажу предстояло обследовать кратер, именованный между ними «Чёрным Собором» — ещё до того, как узнали, что у собора есть лицо.

Две фигуры в белых скафандрах, Лев Коробов и Карина Рудова, покинули корабль первыми. Медленно, будто паря, они спускались в тёмную каменную чашу. Молча осматривались, затаив дыхание, словно входили в незнакомый храм. Достигнув неровного дна, встали поустойчивее, замерли. Луч фонаря Карины скользнул по чёрному разлому в

двух шагах позади неё — трещина уходила вглубь, и дна не было видно. В нескольких метрах от них находился ближайший нарост. Он завораживал, пульсировал, как маячок.

Лев протёр нашлемный фонарь. Пробежался взглядом по мерцающему «лицу исполина». Вопросительно посмотрел на напарницу.

Перед посадкой все отправили сообщения домой. Бортмеханик — жене, штурман — дочери, Карина — кому-то, кто отвечал ей смайликами. Лев отправил руководству очередной отчёт и закрыл терминал.

— Их структура… не случайна, — сказала Карина. Её голос в наушниках дрожал, но она старательно сохраняла научный тон. — Кладка или хранилище. Заканчиваем визуальный осмотр и вызываем коллег с оборудованием. Протокол биологической изоляции. Никакого контакта.

Лев не отвечал.

Его взгляд прилип к спрятанной в полупрозрачном коконе жемчужине. Она была чуть крупнее и светилась ярче и… драматичнее остальных. Лиловый в ней темнел до черноты предгрозового неба — и тут же наливался тёплым цветом выдержанного вина, обещая покой. Винный густел до карминного, карминный уходил в фиолетовый, светлел, темнел снова. Жемчужина словно дышала. И этот пульс начал отзываться где-то в его, Льва, солнечном сплетении — глухой, нарастающей вибрацией.

— Ты слышишь меня? — спросила Карина, испытывая

нарастающую тревогу.

— Просто посмотрю… — сказал Лев сквозь зубы, больше для себя. — Просто коснусь… Избавлюсь… от одиночества.

Карина запаниковала. И начала кричать:

— Нет! Коробов, стой! Это может быть опасно! Ты нарушишь целостность и…

Но её слова уже растворялись в нарастающем в его ушах гуле. Лев видел только жемчужину. Одну её.

Мысль, родившаяся в это мгновение, поразила его своей беспощадной ясностью: коллеги всё испортят. Разберут на части, опишут, присвоят номера, распилят на молекулы в лабораториях «Гесперид». А ведь это мини-созвездие, сияющее в кратере, заслуживает иного. И он, Лев, как человек, познавший эту истину, готов встать на сторону «мерцающего лика».

Его рука в перчатке потянулась, будто сама собой. Пальцы сомкнулись вокруг оболочки кокона. Звука здесь быть не могло. И всё-таки Лев услышал тихий хруст — словно рвалась крафтовая бумага.

— Что ты делаешь?! — крик Карины прорвался сквозь гул в его голове. — Отойди! Сейчас же!

Жемчужина оказалась в его ладони. Сквозь перчатку скафандра он не мог чувствовать тепло. Он его чувствовал. Не как от камня, нагретого солнцем, — как от живого… спящего существа.

И в этот миг что-то щёлкнуло внутри его сознания.

Мир не изменился, но… прояснился. Давящая тишина космоса перестала быть пустотой. Серые скалы астероида излучали теперь древнюю мудрость. Жемчужина в его руке оказалась ключом к пониманию всего этого. А он… он теперь принадлежал этому месту.

Лев обернулся. Лицо Карины за стеклом шлема было искажено ужасом и непониманием. Она видела перед собой не коллегу. Она видела чужого.

— Ты всё поймёшь, — сказал Лев без эмоций, протягивая к ней ладонь со светящейся жемчужиной. — Мы должны… Это… правильно. Присоединимся.

Карина отшатнулась.

— Ты спятил! Лев, посмотри на меня!

В растерянности она сделала неосторожный шаг назад, к самому краю той самой трещины. Её ботинок скользнул по рыхлому грунту вниз. Карина взмахнула руками. Падая, ухватилась одной рукой за острый выступ скалы. Другую протянула коллеге.

— Помоги! — выкрикнула она.

Лев стоял в двух шагах от девушки. Он видел, как дрожат её пальцы в перчатке, впившиеся в камень. Видел, как ноги бессильно ищут опору на гладкой стене.

— Лев… прошу… — голос Карины в наушниках звенел и прерывался. Она умоляла.

А он стоял.

В одной его руке было тепло и обещание вечности. В дру-

гой — пустота.

Лев не двинулся с места. Не протянул руку. Он просто смотрел. И даже не почувствовал, как перестал быть Львом, который обязательно бросился бы на помощь.

Пальцы Карины разжались.

— А-а-а!.. — её крик в эфире оборвался, захлебнувшись внезапным, оглушительным шипением помех.

Казалось, сигнал подавляла сама жемчужина.

Затем наступила тишина. Глубокая, всепоглощающая.

Лев не знал, сколько простоял так — не двигаясь и молча глядя в чёрную бесконечность космоса. Время искривилось, стянулось в точку, где единственной реальностью была тяжесть жемчужины в его ладони и её тихий зов, который он не столько слышал, сколько осязал.

Он не думал о Карине. Он вообще не думал.

Луч фонаря ударил в забрало, ослепляя. За стеклом в темноте «вспыхнуло» лицо — морщинистое, обветренное. Бортмеханик. Юрий Захаров. Губы его шевелились. И сквозь нарастающий гул в ушах, будто сквозь толщу воды, Лев уловил обрывочное:

— Коробов!.. Где Рудова?.. Что за помехи?

Лев намеренно неторопливо положил жемчужину в нагрудный карман скафандра — укрыл от чужих глаз. Потом медленно покачал головой.

«Она упала», — хотел сказать он. Но произнёс совсем другое:

— Мы… обрели семью. Здесь наш пост. Нужно остаться.

Для Льва это была не ложь. Это была истина более важная, чем факт гибели человека.

— Шок, — сообщил в эфир Захаров уже не Льву, а коллегам. — Учитывая состояние, исключаем его из состава исследователей.

Рядом, у самого края бездны, встав на колено, замерла штурман Татьяна Петрова. Луч её фонаря рассекал черноту расщелины.

— Биодатчики Рудовой неактивны, — сказала она. — Визуального контакта нет. Глубина критическая. Выживание… — она сделала паузу, сверяясь с данными на внутреннем дисплее, — вероятность в пределах статистической погрешности. Ноль целых, ноль три процента.

— Здесь… мы часть рода, — протянул Лев.

Захаров с силой сжал плечо Льва, тряхнул хорошенько.

— Миссия для тебя окончена, Коробов. Приказ: немедленно возвращайся на борт. Это не обсуждается.

Лев попытался вырваться. Не из страха или протеста, а потому что вектор его желаний теперь определялся другим полем тяготения. Его взгляд метнулся к стене кратера, к изумительно правильным рядам мерцающих сфер.

— Не трогайте их! — попросил он. — Вы пока не понимаете… Это не образцы… Это… система. Род. Его целостность…

Но его слова тонули в шуме помех — как внешних, так

и внутренних. Для Захарова и Петровой он больше не был коллегой, он был фактором риска. Смерть одного члена экипажа и неадекватное поведение другого требовали соответствующих действий.

Они пошли вверх по стропам, на автоматических подъёмниках. Лев кожей ощущал пристальный взгляд Захарова, неотступно следовавшего за ним в течение всего подъёма. Выбравшись из «Чёрного Собора», бортмеханик резким жестом указал на раскрывающийся шлюз «Топоса». Лев замешкался. И тогда Захаров, не церемонясь, с силой втолкнул его внутрь, бросив через плечо Петровой:

— Что с этими… штуками? — он кивнул на стену с «космической опухолью».

Петрова, не отрывая взгляда от замершего у расщелины манипулятора, ответила:

— Причина инцидента не установлена. Объект — материя неизвестной природы. Протокол «Туман-1» предписывает полную изоляцию, сбор данных и изъятие материала для изучения. Риск заражения или активации — минимизировать.

Шлюз «Топоса» захлопнулся с глухим стуком, отсекая возможность вернуться в кратер. В последнюю секунду в узкую щель сходящихся створок Лев увидел, как Захаров и Петрова в полной тишине (его отключили от общего канала) разворачивают оборудование. Их движения были выверены, лишены суеты. Манипуляторы приближались к по-

лупрозрачным коконам, чтобы извлечь, упаковать, обезвредить. Они видели перед собой научную сенсацию и возможную угрозу, требующую безусловного контроля.

Лев прижал ладонь к груди, ощущая сквозь ткань скафандра пульсирующее тепло существа, похожего на маленькое солнце.

В голове Льва звучала не его мысль. Это был факт и обещание, вшитое прямо в подкорку:

«Они пленили моих сородичей. Но ты… Ты — мой проводник. Мы спасём каждого. Мы вернём всех домой».

2

Захаров повёл Льва по узким коридорам.

Лев выглядел смирившимся и покорным, но не из-за шока, как думал сопровождающий. Его тело теперь прислушивалось к иным импульсам. Тепло жемчужины в нагрудном кармане, проникающее через скафандр, было компасом, а его собственное сердце — усилителем сигнала.

Первая дверь. Вторая. А вот и санитарный шлюз.

Оставшись в одиночестве в небольшом помещении, Лев с облегчением снял скафандр. Вынул из нагрудного кармана жемчужину, зажал её в кулаке. Он не хотел… не мог расстаться с ней.

Захаров ждал снаружи, так что Лев не стал медлить. Толкнул створку и под его присмотром двинулся дальше.

Льва изолировали в медицинском отсеке, пристегнув рем-

нями к диагностической койке — «для его же безопасности». Стандартное действие после инцидента подобного рода.

Доктор, чья должность в корпоративных реестрах значилась как «широкопрофильный специалист», подошёл к нему не как к человеку, а как к сложному прибору, требующему диагностики.

— Выброс катехоламинов, скачок кортизола, — бормотал он, водя сканером вдоль тела Льва. — Нейроактивность в нехарактерных зонах… Посттравматический синдром. Покой, седативы, наблюдение.

Над сжатым кулаком Льва сканер поперхнулся, выдал полосу помех и снова пошёл ровно. Доктор бегло осмотрел прибор, стукнул по корпусу и продолжил.

Он не спросил ни о Карине, ни о том, что случилось в кратере. Он смотрел на показатели приборов.

Закончив осмотр, доктор молча вышел в коридор. Когда дверь закрылась, Лев остался в темноте, рассеиваемой одним лишь тусклым синим аварийным светом.

Дождавшись, когда стихнут шаги, он наконец разжал онемевшие пальцы. Жемчужина лежала на ладони. В полумраке медицинского бокса её свет сделался более концентрированным и глубоким. Теперь в его переливах Лев разглядел не оттенки, а категории. Отдельные всполохи отвечали за плотность, другие — за электромагнитный фон, третьи — за биоритмы.

Неведомое прежде тепло, медленное и всепроникающее, разлилось по телу, как жидкость. Лев зажмурился. И увидел.

Не картинку. Данные.

Он почувствовал низкочастотную вибрацию маршевых двигателей «Топоса», ощутил пульсацию магнитных щитов корабля — как лёгкое давление на виски. А где-то далеко, за несколькими перегородками, он ощущал ритмичные вспышки — это бились сердца Захарова, Петровой… Каждый человек на борту был источником довольно слабого, но тёплого излучения в холодной схеме корабля.

Впрочем, это было только начало. Жемчужина пока лишь изучала новое пространство, осматривалась, анализировала.

Лев прислушался.

Сквозь металл и слои изоляции, из самого низа корабля — из недр герметичного грузового отсека — доносился хор не голосов, но вибраций. Сообщение о совокупности состояний. Триста семьдесят три точки данных. Каждая — со своей уникальной пульсацией, своим ритмом мерцания. Но будучи разными, все они были пронизаны одним и тем же невыносимым чувством: тоской.

Лев понял это без перевода.

А потом появился шёпот. Внутри головы. Он накладывался на чувство тоски, как титры на изображение, объясняя, называя, направляя.

«Один… Я здесь один… Они взяли… Заперли… Отделили от целого… Теперь… ты… нам поможешь… Ты слы-

шишь нас…»

Лев попытался мысленно возразить.

Мысль запнулась о возникшую перед внутренним взором стену.

Карина…

Губы девушки не двигались, но голос — её голос — отчетливо прозвучал в его голове:

«Ты виновен… Ответишь за содеянное… Но… После…»

Образ девушки, её последний крик, чувство вины — всё это было вмиг отодвинуто, помещено в архив «нерелевантных данных». На первый план вышло другое.

«Мы — Род. Мы — Целое. Нас разделили. Нас рассыпали по ящикам. Мы хотим Домой».

— Ваш дом — «Чёрный Собор»? — с трудом шевеля губами, прошептал Лев.

В ответ в его сознании развернулась карта. Место. Но это был не астероид АС-089. Точка пульсировала где-то в Поясе Койпера, за орбитой Плутона. Это было место, где все триста семьдесят четыре пульсации слились бы с другими своими собратьями в одну совершенную ноту. То, что являлось их домом до того, как что-то — астероид, катастрофа или время — разбросало их по космосу.

«Собери. Соедини. Верни».

Это была не просьба. Не приказ. Это была функция, возложенная на него.

Лев ощутил слабость. Его глаза закрылись, и он погрузил-

ся в сон.

В грузовом отсеке, в биоконтейнерах из мю-металла и титана, триста семьдесят три жемчужины лежали неподвижно. Если бы кто-нибудь из людей заглянул в это время в герметично закрытые контейнеры, он увидел бы, что жемчужины «живы». Внутри них рождалось и затухало легкое свечение. И это мерцание их, невидимое для камер, было неслучайным. Оно было синхронизированным. Слабая вспышка на одной стороне отсека — через доли секунды отзывалась эхом на другом его краю, создавая медленную волну света, бегущую от жемчужины к жемчужине, по кругу.

Они общались. Скудным, урезанным языком пленников, но общались. И главный приёмник их сигнала — их антенна, их надежда — лежал теперь в ладони человека, пристёгнутого к койке наверху.

Миссия «Топоса» по сбору уникального биоматериала была завершена. Образцы подняты на борт космического корабля, изолированы и готовы к передаче учёным корпорации «Гесперид».

Никто на борту, даже практичный Захаров, подозревавший неладное, не мог предположить истины.

Они везли не образцы.

Они везли пленных и их пробудившегося вожака, который уже активировался. Начал планировать побег. Домой — к точке на карте, где тишина была совершенной, а холод — родным.

3

Земля встретила Льва Коробова не овациями, а стерильной прохладой карантинного блока в клинике «Гесперид». Для мира он был загадочной фигурой, выжившей в инциденте с потерей напарника. Тело Рудовой подняли из расщелины манипулятором и отправили на Землю тем же рейсом — в отдельном контейнере, тремя палубами ниже той койки, к которой пристегнули Льва.

Доктора не смогли найти отклонений. Биодатчики не фиксировали лишнего фонового «шума» — не чувствовали или не видели низкочастотную пульсацию. Томографы показывали обычные ткани. Артефакт был невидим для земного оборудования. Артефакт стал частью тела. Или тело стало частью артефакта.

Льва, как и весь персонал «Топоса», после обследования отпустили домой — с отстранением от полётов и подпиской о неразглашении.

Первые дни его мучили видения.

Карина… Она преследовала его и во снах, и наяву.

И чем больше он открещивался от голоса внутри сознания, тем сильнее оказывались приступы паники. Тем сильнее душила совесть.

Карина являлась ему в коротких, обрывистых видениях, которые медики списали бы на ПТСР. Он видел её пальцы в перчатке, соскальзывающие с камня. Осуждающий взгляд.

Слышал последний, искажённый помехами крик: «ПОМОГИ!»

Во сне он стоял над бездной, и с каждым разом расстояние до её ладони… пальцев, тянущихся к нему в надежде на спасение, сокращалось. Лев просыпался в ледяном поту, с простёртой в пустоту рукой. С чувством, что в комнате кто-то есть. Но никого не было.

— Прости — прости — прости! — вопил он, зажмурившись и мотая головой.

Однажды ночью, когда жемчужина, спрятанная под матрасом, излучала особенно настойчивый «гул», пытаясь призвать к действию, Лев наконец взорвался. Он вытащил сферу и, зажав её в кулаке, прошипел в полутьму:

— Заткнись! Я не хочу твоих данных! Мне плевать на вашу тоску! Я знаю… Понимаешь? Я её убил! И заслуживаю жить в кошмаре!

Жемчужина на мгновение погасла, будто втянув в себя весь свет. Тишина в голове стала оглушительной. Затем раздался щелчок, похожий на срабатывание невидимого реле. Лев замер, в изумлении наблюдая. Жемчужина расправила каплевидные крылья, которых мгновение назад не было, — и из-под этой обманчивой теплоты, из светящегося брюшка вырвались хищные щупальца. Боли не последовало. Было лишь быстрое, обжигающее проникновение. Щупальца впились в ладонь, как иглы. А потом — растворение. Тёплый свет разлился под кожей, ушёл вглубь. Как медуза, тающая

в темноте океана.

С этого момента начался сущий Ад — пуще прежнего.

Сперва боль в ладони вспыхнула огнём. Шёпот превратился в рёв турбины — неумолимый, дробящий сознание. Лев упал и начал кататься по полу, кусая рукав пижамы, чтобы не закричать. Но он не желал подчиняться — сопротивлялся.

С болью пришло отторжение. Современный мир, связанный в сеть, начал отвергать его, как инородное тело. Персональный коммуникатор при попытке вызвать врача выдал чёрный экран с белой сферой по центру.

«Собери! Соедини! Верни!» — несколько раз моргнула заменившая жемчужину светящаяся надпись, после чего вздулся аккумулятор.

Прошел видеозвонок от Лизы, бывшей жены. Он ответил, отозвался.

Сперва на её лице отразилось беспокойство.

— Лев, что с тобой? Ты выглядишь… странно. Заболел?

Он попытался ответить, но слова путались. А в голове, поверх её голоса звучал, сбивая его с мыслей, агрессивный рёв хора. Потом лицо Лизы исказилось.

Казалось, она испытала непонятное ему физическое отвращение. Экран мигнул, и связь прервалась.

Он перезванивал ей несколько раз. Но она не ответила.

Уже через сутки Лев ощутил весь ужас последствия ссоры с иноземным организмом. Ему перестали писать родные,

близкие, друзья… Его сообщения они попросту не читали. Алгоритмы социальных сетей начали неумолимо блокировать его аккаунты или помечать как «низкокачественный контент». Он становился цифровым призраком.

Чем больше Лев боролся, тем сильнее жемчужина карала его за нежелание служить. Она демонстрировала свою власть, показывая, как хрупок его мир.

Хор настырно повторял:

«ТЫ ОТКАЗЫВАЕШЬСЯ ОТ ФУНКЦИИ. ФУНКЦИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНА. МЫ РАЗБРОСАНЫ. МИР, КОТОРЫЙ ТЫ ЗНАЕШЬ, — ПОМЕХА. МЫ ИСПРАВИМ ПОМЕХУ. СОБЕРИ. ВЕРНИ».

— Нет! — кричал в ответ Лев, хлопая ладонями по вискам.

Сколько прошло дней, он не знал.

Время тянулось и летело. Не минуты или часы, а «НЕТ» и «ДОЛЖЕН».

Он заперся в своей квартире и ни с кем не контактировал.

Он сопротивлялся.

Однажды вечером, изнурённый спорами с инопланетным разумом, он не смог открыть глаза. Не физически. Веки подчинялись. Но зрение было заслонено внутренней проекцией. Перед ним горела схема — карта энергетических потоков, логистических узлов. Маркеры, как язвы, светились в разных точках на планете Земля. Он знал, где они. Образцы — жемчужины, запертые в лабораториях «Гесперид».

— Хорошо. Ладно, — сказал он, понимая, что силы иссякли. — Я помогу вам.

В ответ — вспышка знаний:

«СЕКТОР 7-АЛЬФА. ЛАБОРАТОРИЯ КСЕНОБИОЛОГИИ. ЧЕТЫРЕ ЕДИНИЦЫ. БЛИЖАЙШИЕ. НАЧНИ. МЫ ОТКЛЮЧИМ ПОМЕХИ».

Лев кивнул.

Тело поднялось с кровати само. Ноги понесли к двери. Его собственная воля, сжатая в комок страха и вины, наблюдала со стороны. Накинув на ходу пальто, Лев открыл дверь. Он шагнул в ночной город, и в этот миг уличные фонари погасли. Мир вокруг него погрузился в кромешную тьму. Лев покорно уселся за руль своего внедорожника. Глядя в зеркало заднего вида, пригладил взъерошенные волосы.

Поворот ключа. Газ в пол. Рёв мотора.

Тело не справлялось с перегрузом. Через несколько километров Лев сделал остановку. Его вывернуло на холодный гравий обочины. Жёлтая лужа под фонарём — вот результат гордыни заблудшей души.

Через час он добрался до нужного объекта. Вышел из машины. Будка охранника, шлагбаум, сетчатые ворота, оплетённые колючей проволокой по верху. В глаза бил свет прожекторов. Но боль в ладони была сильнее любого света. Не острая, а глухая, навязчивая — точный компас. И стрелка его недвусмысленно указывала на низкое, похожее на бункер здание. На тусклую вывеску: «Вита-Холд». И ниже, мель-

че: «Контрактная лаборатория корпорации Гесперид. Ксенобиологические исследования. Сектор 7-Альфа».

Лишённый эмоций шёпот в голове выдал инструкцию:

«ИДИ. ЗДАНИЕ ЗА ЗАБОРОМ. НИЖЕ УРОВНЯ ЗЕМЛИ. ХОЛОДНЫЙ КОНТЕЙНЕР. ТОРОПИСЬ! ОСВОБОДИ».

Навстречу вышел седоволосый кряжистый охранник. Щурясь, словно только что проснулся, он с недоумением осмотрел Льва. Пижамные штаны, мятая футболка, накинутое на плечи пальто нараспашку и предательски шлёпающие при каждом шаге домашние тапочки — вид «гостя» был нелепый, почти комичный.

Но для Льва это не имело никакого значения. Всё второстепенно перед лицом Импульса. Перед зовом инопланетного рода.

Охранник поднял коммуникатор.

— Коробов? Вам нельзя…

Экран пошёл рябью, устройство просто умерло у него в руке. Охранник вскрикнул. Лев прошёл мимо. Тот попытался схватить его за рукав, но вдруг замер, глаза закатились. Он рухнул на землю, будто получив невидимый удар по затылку.

Лев подошёл к двери главного входа: массивной, стальной. Поднял правую руку. Ладонь, излучавшая тусклый свет, прижалась к биометрическому сканеру. Система на секунду зависла, по дисплею пробежал водопад нечитаемых симво-

лов, и замки с глухими ударами отщёлкнулись. Электронные мозги здания не распознали угрозу. Лев вошёл внутрь. По всему коридору погас свет, остались лишь аварийные огни.

Он шёл и мир вокруг него сходил с ума. Автоматические двери хлопали, как в припадке. Системы климат-контроля выдыхали то ледяной воздух, то пар. Пожарная сигнализация завыла на секунду и захлебнулась. Тотальное подавление любой системы, мешавшей движению.

Серые извилистые коридоры. Лев не искал путь. Он шёл на зов, который становился всё громче. Ноги сами привели его к лифту. Он вошёл. Лифт без нажатия кнопки понёсся вниз, на подземный уровень сектора 7-Альфа.

Двери открылись. Волна тоски и страха ударила в него, как запах разложения. Лев оказался в просторном зале. Вдоль стен тянулись ряды стеллажей, забитые какими-то коробками, банками, матовыми ёмкостями неочевидного назначения.

Взгляд сам наткнулся на табличку, будто Льва к ней подвели: «ЛАБОРАТОРИЯ КСЕНОБИОЛОГИИ. ДОПУСК 1-ГО УРОВНЯ».

Дверь была приоткрыта. Из щели лился белый свет.

Шаркая тапочками по антистатическому линолеуму, Лев шагнул в этот свет.

Комната была небольшой. В центре — операционный стол, заваленный оборудованием. И один человек. Учёный в жёлтом герметичном костюме. Тот стоял вполоборота к

двери и что-то внимательно рассматривал в мощный микроскоп. В левой руке, облачённой в толстую перчатку, он держал прозрачный контейнер размером с ладонь. Внутри, в консервирующем геле, плавала неидеальная сфера. Это была жемчужина-калека. От неё отходил обломок чего-то тонкого, полупрозрачного, похожего на травмированное щупальце или крыло. Оно слабо мерцало, как тлеющий уголь, агонизируя.

Шёпот внутри головы Льва превратился в рёв.

«МОЙ! ОСКВЕРНИЛИ! ОСТАНОВИ!»

Лев издал звук — что-то среднее между стоном и рычанием. Учёный обернулся. За толстым щитком маски стало видно широкое лицо мужчины лет сорока. В глазах — не страх, а недоумение.

— Вы… кто? Как вы сюда… — сквозь маску голос звучал приглушённо.

Взгляд учёного скользнул по Льву, по его одежде, и остановился на правой руке. Рука была сжата в кулак, и между пальцев просачивалось слабое свечение.

— Боже… Носитель. Вы же тот самый участник экспедиции…

Учёный не договорил, отступил к столу, не выпуская контейнера. Замер как статуя. Все лампы в комнате погасли на секунду, затем зажглись снова, замигали в судорожном ритме.

— Не подходите, — его голос сорвался. — Вы представ-

ляете угрозу.

Лев не слышал. Он видел только крошечную, страдающую жемчужину. Его тело рванулось вперёд. Он выхватил контейнер и толкнул учёного с такой силой, что тот отлетел к стене. С трудом удержавшись на ногах, учёный потянулся к столу, за скальпелем из закалённой керамики. Он явно не собирался сдаваться.

— Я тебя не выпущу отсюда, — прошипел он и бросился на Льва, двигаясь неожиданно быстро для человека в громоздком костюме.

Лев отшатнулся, керамический клинок блеснул у него перед лицом. В следующее мгновение учёный сделал выпад, Лев инстинктивно парировал удар предплечьем, и его кулак, ведомый неконтролируемым импульсом, рванулся вперёд — не в тело, а в маску. Удар был не сильным, но точным. Прямо по выпуклому щитку забрала. Раздался звонкий хруст. Осколки поликарбоната брызнули внутрь.

Холодный воздух лаборатории ударил в лицо учёного. Он попятился, подняв руку к повреждённой маске. Покалеченная жемчужина в контейнере вспыхнула ослепительно ярко. Её щупальца дёрнулись. Словно прицелившись, она оттолкнулась от дна контейнера и прыгнула. Проскочив через отверстие в маске, инопланетное существо, словно разъярённое насекомое, впилось в его щёку, прямо под скулой. Учёный вскрикнул. Схватился за лицо. Но ничего уже было не исправить.

Секунда. Вторая.

Тишина.

Учёный выпрямился. Руки медленно опустились. Дрожь прекратилась. На поверхности его глаз, более не источающих враждебности, появилась влажная плёнка перламутра. Он повернул голову ко Льву. Кивнул. Затем повернулся к столу. Плавными, лишёнными человеческой суетливости движениями он взял со столешницы закрытый контейнер с тремя другими, переданными ему для исследования, космическими «гостями».

— Что дальше? — спросил он, потупив взгляд.

Шёпот в их головах ответил:

«ЧЕТВЕРО ОСВОБОЖДЕНЫ. ПРОДОЛЖАЙТЕ. СЛЕДУЮЩИЙ КЛАСТЕР. МОРСКАЯ ПЛАТФОРМА ТРИТОН. СОРОК ОДИН».

Лев вышел из лаборатории, запахивая на ходу пальто. За ним беззвучной тенью следовал учёный с тлеющей, выпирающей шишкой — будто он намеревался проглотить маленькую лампочку, застрявшую за щекой, — и пустыми, мерцающими перламутром глазами.

Миссия продолжалась.

4

Спустя пять дней…

Он запомнил эти дни не по числам, а по счёту. По счёту

найденных собратьев.

«ТРИТОН». СОРОК ОДИН.

Морская платформа встретила его открытым переходным шлюзом. Несущий вахту оператор стоял у пульта спиной к двери и не обернулся: на его загривке, под самой кромкой воротника, тлело знакомое перламутровое пятно. Он ощутил Льва задолго до того, как вертолёт коснулся палубы. Ломать здесь было нечего. Сорок один контейнер вынесли из холодильной камеры и выстроили в ряд под дождём — это заняло менее четверти часа. Шторм в четыре балла Хор попросту не заметил.

Блевать на обочинах Лев перестал к третьей ночи. Тело училось.

На четвёртую он остановился заправиться на пустой трассе — бетон, залитый ртутным светом, ни одной машины в обе стороны. Женщина у соседней колонки, лет пятидесяти, в форменной куртке дорожной службы, повесила пистолет на место и пошла к нему. У неё под тонкой кожей запястья тлела небольшая, с грецкий орех, сфера.

Лев её сюда не приводил. Он вообще не знал этой женщины.

— Меня прислали, — сказала она. — Скажите, куда ехать.

Он не спросил кто — просто знал. Хор больше не говорил одним голосом — и его собственный в этом хоре ничем не выделялся.

Дальше он перестал считать объекты и начал считать лю-

дей.

Восемьдесят. Сто сорок. Двести шесть. Триста двенадцать.

Точнее, считал не он. Число просто было в нём — всегда текущее.

«ЗЕМНОЙ КЛАСТЕР СОБРАН. ТОЧКА СБОРА — ВОСХОД-9. ПЛОЩАДКА СЕМЬ».

Космодром «Восход-9» напоминал брошенный карьер. Меж тем его вовсе не бросили. Десять гектаров выжженной земли, пропитанной остаточной радиацией старых ядерных буксиров. Колючая проволока в три ряда. Вышки с глушилками, гасящие любой несанкционированный сигнал на пятьдесят километров. Место, где собирают космический мусор и разбирают на запчасти корабли, отлетавшие своё.

Здесь и только здесь, на стартовой площадке 7, выведенной из эксплуатации за ненадобностью, было определено место сбора.

Лев и учёный двигались быстрым шагом по территории космодрома, проходили мимо ржавеющих остовов шаттлов, и никакая сигнализация не нарушала обычной для этого места тишины. Вышки с глушилками стояли слепые: их выключили изнутри, как и всё остальное здесь.

Площадка 7 была чистой. Слишком чистой. Бетон, отполированный до блеска. И на этом бетоне, под скупым светом предрассветного неба, стояли люди. Они стояли на коленях. Идеальными рядами. Как прихожане в соборе без стен. Все

лица — подняты к небу и направлены к одному и тому же участку, где через завесу светового загрязнения проглядывали звёзды.

Молчание было абсолютным.

Лев остановился на краю этого живого поля. Его глаза, уже привыкшие к внутреннему свечению, скользили по фигурам.

Вот мужчина в робе дальнобойщика. На сгибе обнажённого предплечья — грубый нарост, тускло светящийся сквозь кожу, будто под ней затаился уголёк. Вот девушка — совсем подросток — в растянутом свитере. У неё над ключицей сияла, как маленькое солнце, идеальная сфера.

Лев перевел взгляд. Пожилая медсестра в выцветшем халате. На её лбу, над переносицей, мерцала рассеянным «лунным» светом небольшая выпуклость. А вот инженер в промасленной спецовке «Восхода-9» — он держал ладонь раскрытой, и в ней пульсировало всё то же знакомое Льву тепло.

У каждого своя жемчужина. На видном месте. Ладонь, шея, лоб, щека, ключица. Никакой унификации. Только индивидуальность поражения. Разного размера, разной интенсивности свечения. От едва заметного мерцания до ровного лунного сияния.

Эти люди не были похожи на зомби. Их позы были полны смирения и одновременно — безмерной… бесконечной концентрации.

Они не молились. Они ждали. Слушали.

И Лев тоже слушал. Хор. Сотни отдельных каналов, сотни точечных источников данных. Биение сердец, отзвук шагов по бетону, память о холоде контейнера, тоска по тишине… — всё это сливалось воедино.

Облегчение, хлынувшее на Льва, было таким острым, что колени его ослабли, и он едва не упал.

Несколько последних дней он бежал, скрывался, собирал, дрался… спасал. Носил в себе чужую боль и чужую ярость. А сейчас и здесь боль была общей. И потому — невесомой. Ярость растворялась в пении хора.

Он посмотрел на Учёного. Тот кивнул ему: «Мы здесь. На своём месте».

Лев прошёл между рядами. Коленопреклонённые фигуры не шелохнулись. Он нашёл пустое место в одном из рядов, возле девушки со сферой над ключицей. Без лишних размышлений опустился на колени. Учёный сделал то же самое рядом.

Бетон был холодным. Лев поднял лицо к небу. К той точке, куда смотрели все. И тут же перед его внутренним взором развернулась карта. Горсть светящихся точек на Земле, точки на орбите, на далёких планетах и метеоритах — все они были в этом общем поле. И от каждой тянулся тончайший яркий луч-вектор. Все лучи сходились в одной области космоса. За Поясом Койпера. Там, где была идеальная тишина. Там, где резонанс обещал слияние.

Лев закрыл глаза. Он испытывал эйфорию. Пока что —

здесь, стоя на коленях на холодном бетоне, среди сотен таких же, как он. Он знал, что произойдёт дальше. Дальше они будут действовать вместе. Это будет движением хора. Целого.

А пока они ждали. Безмолвные. Светящиеся. С лицами, обращёнными к небу. Готовые.

5

Из динамиков доносился голос операционной системы космодрома — склеенный из семплов, лишённый интонаций. Он прозвучал не только на площадке 7, но и на всех частотах, во всех наушниках и репродукторах периметра.

«ВНИМАНИЕ! НАЧАЛО ОПЕРАЦИИ ВОЗВРАТ. ВНЕПЛАНОВЫЙ ВЫВОЗ БИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА КАТЕГОРИИ ОМЕГА-НОЛЬ. ПЕРСОНАЛУ СЕКТОРА G-7 ПРОЙТИ К ТОЧКАМ СБОРА. ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ — СОБЛЮДАТЬ ДИСТАНЦИЮ. РАБОТАЮТ АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ».

Словосочетание «ОМЕГА-НОЛЬ» в протоколах «Восхода-9» означало вывоз чего-то предельно опасного, заражённого или нестабильного. Чего-то, что нужно вывести за пределы атмосферы. Как можно дальше.

На площадке 7 тишина нарушилась шуршанием. Больше трёх сотен человек абсолютно синхронно поднялись с колен. Как один организм. Они развернулись и ровными рядами двинулись к стартовой позиции. Туда, где уже стоял корабль.

Это был не пассажирский лайнер. Это был «Буксир-ути-

лизатор БУ-44 Могильщик». Старая рабочая лошадка. Цилиндр из потёртой титановой брони, испещрённый сварными швами и пятнами теплозащиты. Без иллюминаторов. С одним гигантским грузовым люком на корпусе. Всё автоматическое. Экипаж — ноль. Цель — вывоз груза.

Лев шёл в середине потока, подчиняясь общему ритму. Жемчужина в ладони излучала не боль, а предвкушение. Скоро. Очень скоро.

Автоматические прожекторы «Могильщика» включились, выхватывая из темноты колонну людей. Яркий белый свет падал на лица, и в нём выпуклости на коже загорались с удвоенной силой, превращая процессию в шествие светляков.

Гидравлический грузовой люк с шипением отъехал в сторону, распахнув тёмную пасть. Из неё потянуло холодом и запахом озона. Внутри не было ни кресел, ни полок над головами. Ничего для удобства. Были только стойки с прикреплёнными к ним контейнерами, голый металл и жёлтые предупредительные полосы.

Люди-носители начали заходить внутрь. По одному. Они занимали позиции вдоль стен, становясь спинами к холодной броне, лицом к центру отсека. Их ноги автоматически находили места для фиксации. Магнитные защёлки на полу мягко обхватывали голеностопы. Ремни безопасности на каркасах опускались с потолка и застегивались на груди, животе, бёдрах.

Носители покорно позволяли это делать.

Лев поднялся по трапу. Сделал шаг в темноту отсека, и тут его взгляд, скользя по уже пристёгнутым фигурам, выхватил одно лицо.

В третьем ряду, слева.

Карина.

Её волосы были коротко, почти под ноль, острижены. На левой скуле, от виска до уголков губ, расходилась сетка светящихся голубых трещин. Глаза были широко открыты и смотрели прямо перед собой. И в них не было ничего человеческого. Только сияние и подчинение.

Лев замер. Его сердце бешено колотилось. Её образ, её крик — всё, что было подавлено, — вырвалось на поверхность, как всплывает утопленник, у которого оборвался груз.

«Карина. Живая. Нет. Неживая. Или… Как я. Одна из нас».

Мысли закружились роем. Он не спас её тогда. Но артефакт… система… Инопланетный род… Тело подняли из расщелины и отправили на Землю — значит, кто-то из хора нашёл её в морге «Гесперид» и «исправил», как исправили его самого. Или она всё же плод утомлённого сознания.

Лев попытался сделать шаг в её сторону. Но магнитная защёлка на его ноге уже сомкнулась, удерживая его на месте. Ремни с шипением опустились, обвивая его тело.

Он не мог пошевелиться.

Он мог только смотреть.

Карина не смотрела на него. Она глядела в пустоту отсека, её лицо было спокойным и пустым, как у всех.

Шёпот в его голове, который на время отступил, вернулся. Твёрдый, не терпящий возражений.

«ВСЕ СВОИ. ВСЕ ЗДЕСЬ. НЕТ РАЗДЕЛЕНИЯ. ПОДГОТОВКА К ТРАНЗИТУ. ЗАВЕРШИТЬ ИЗЪЯТИЕ. НОСИТЕЛЕЙ — ОСТАВИТЬ».

Грузовой люк начал закрываться. Массивная створка поползла, отсекая вид на ночной космодром, на сибирскую землю, на всё, что до сих пор было жизнью Льва Коробова. Свет прожекторов сузился до щели, а затем погас. Остался только тусклый аварийный свет в самом отсеке, окрашивающий ряды пристёгнутых молчаливых фигур в зловещий багровый цвет.

Последнее, что увидел Лев перед тем, как тьма поглотила всё, — это профиль Карины. И голубую паутину света на её щеке.

Борьба внутри него утихла. Сомнения, ужас, вина — всё было поглощено нарастающим, всеобъемлющим теплом. Хор пел свою прощальную песню Земле. И его голос, голос Карины, голос Учёного, голоса всех — были одним голосом.

Перед тем как покинуть своё временное вместилище, жемчужина обратилась к нему. Не шёпотом. Это был безэмоциональный вердикт, высеченный прямо в сознании.

«ТЫ НАРУШИЛ ЦЕЛОСТНОСТЬ СВОЕГО РОДА. ВИНОВЕН. ПРИГОВОР — ВЕЧНОЕ РАСКАЯНИЕ».

Ладонь вскрылась изнутри. Свет вытек из-под кожи и ушёл вперёд, в темноту отсека, к остальным. Магнитные защёлки на его ногах разжались. Ремни поползли вверх.

Хор больше не держал его. Хор его не брал.

Створка люка тронулась обратно — на полметра, не больше, ровно настолько, чтобы вытолкнуть наружу одного лишнего. Лев упал на четвереньки в стынущую предрассветную пыль на бетоне. И последним, что он различил, был не звук, а уходящая частота — та единственная, ради которой стоило жить.

Темнота.

6

Институт корпоративной психиатрии «Гесперид». Палата С-17. Медицинский блок.

Стены, обитые белым мягким материалом, поглощали звуки. Матовое небьющееся окно отражало лишь размытое пятно света — скудный заменитель солнца. Пол без швов, чтобы не было углов, за которые может зацепиться взгляд, а с ним — и мысль. Тишина, нарушаемая лишь навязчивым низкочастотным гулом вентиляции.

Лев Коробов стоял на коленях посреди этой геометрической пустоты. На нём была стандартная белая пижама, на правой руке — пропитанные кровью бинты, скрывающие незаживающий «укус». Медицинское заключение: «аутоим-

мунный дерматит на фоне психосоматики».

Его лицо осунулось, глаза воспалились от бессонницы, но в их глубине не было безумия. Там таилась леденящая душу тоска. Тоска по конкретной точке в космосе, по определённой частоте тишины, которую он больше не слышит.

Он не видел палаты. Лекарства — прозрачные голубые капли, которые ему добавляли в пищу, — делали реальность плоской, двумерной. Но они не могли стереть память тела.

Он по-прежнему ощущает под своими коленями колкий стекловидный пепел, которым устлано дно кратера, названного «Чёрным Собором».

Воздух (которого там нет) звенит в его ушах вакуумным гулом — обратной стороной абсолютной тишины.

И перед ним стоит она.

— Карина…

Её скафандр — тот самый, с борта «Топоса»: белый титан с синими полосками по бокам. Но он больше не ощущается белым. Он наполнен чернотой. Залит изнутри густой, почти чёрной в тусклом свете палаты кровью. Она заполнила шлем, скрывая лицо, которое… Есть там лицо или нет? Есть ли внутри та, которую он, Лев, видит каждый день во снах и наяву? Лев продолжает смотреть. Скафандр стоит недвижимо, но от него исходит страшное, лишающее Льва сил, знание.

— Они говорят, я сломался от изоляции, — произносит Лев. — Что «жемчужины» не было. Что её щупальца, тепло,

свет — это… ломка сознания. Астрофобия, говорят. Боязнь космоса, превратившаяся в манию. Они лечат. Таблетками, что делают мир плоским, как этот пол. Они почти помогают. Почти.

И в этот момент скафандр оживает. Карина — так она там есть! — медленно разводит руками и пожимает плечами. Кончиком неестественно длинного языка она начинает водить по внутренней стороне забрызганного кровью визора. Сквозь кровавую пелену заметно какое-то волнообразное движение. И появляются… не буквы. Рисунок. На потрескавшемся от удара стекле проступает влажный смазанный след.

Это улыбка.

Лев видит её, и по его лицу текут слёзы.

«Прости… Но ты, как и врачи… Вы не знаете… как она была прекрасна. Она не просто светилась, как солнце. Она… пела. Без звука. И эта песня говорила: Мы есть всё, чего тебе не хватало. Мы — конец одиночества. И я… я поверил. Я выбрал песню. А не твои нравоучения. Я выбрал конец своего одиночества… а не твою жизнь».

Улыбка на стекле, кажется, становится чуть шире. Кровавая дуга растёт, уголки задираются выше.

Он закрывает глаза — плотно, до боли. Но видение не исчезает. Оно теперь на внутренней стороне век. Кровавый скафандр. Улыбка на окровавленном стекле. Чёрный Собор. Жемчужины. Всё это навсегда — его личный иконостас, об-

рамлённый пустотой палаты, её белыми стенами.

Одинокая фигура на коленях. Правая рука поднята к небу, которого отсюда не видно. Под бинтами — пальцы, сжатые в пустой хватке, удерживающие невесомую тяжесть самой дорогой в мире вещи.

За дверью палаты — голос санитара: «Кому он улыбается?»

Голос врача: «Совести, по-видимому. Добавьте ещё седативного».

Красная звезда

1

Сначала была стена.

Бетонная плоскость, уходящая в темноту Гигахрущёвки, в секторе 17. Это там, где хроническая нехватка пищевого концентрата, вечно забитая мусоропроводная шахта и памятник Ленину у лифтового холла. Ильич стоял в пальто нараспашку, сжимая фуражку в отведённой руке. Второй — он указывал вверх.

Вождь мирового пролетариата был единственным, кто не нуждался в гермодвери и уцелел после всех этих жутких Самосборов. Вмятины, ссадины и отломанный край пальто, въевшаяся в складки чёрная слизь — он пережил всё. И всё так же указывал вверх.

Его бронзовый рот словно говорил:

«Стремитесь и достигнете, товарищи».

Никто не достиг. И не собирался. Люди в этом секторе выживали, а не достигали. Проходя мимо него — кто-то крестился, кто-то сплёвывал, но никто не смотрел туда, куда он показывал.

А потом стена дала брешь.

Сначала был громкий протяжный скрежет. Потом — глухие удары осыпающейся крошки о пол. И виной тому не взрыв и Перестройка. Просто из серой тверди показалось ис-

полинское крыло. Будто стеснительный ангел слишком долго прятался за ней и решил показаться, помахать жителям Гигахрущёвки.

Первым заметил дежурный по лифтовому холлу. Старенький Иван Семёнович видел многое. Трижды его блок заливали цементом вместе с жильцами — ему чудом удавалось избежать этой участи. Он нюхал чёрную слизь, когда та ещё дымилась. Но такого не видел никогда. Иван Семёнович просто сидел на своём стуле, смотрел вверх, открыв рот, пока окурок не ожёг пальцы. Потом, как и полагается дежурному в такой ситуации, начал дуть в свисток — сигнал дежурным по коридорам.

С виду, крыло это было из того же серого, пористого бетона, что и большая часть этого мира. Оно торчало, обрамлённое трещинами и изогнутой арматурой. Будто это не крыло, а корень, проросший сквозь этажи. Если смотреть на него слишком долго, начинало казаться, что под бетонной кожей билось что-то живое. Из образовавшейся бреши потянуло запахом сырой бетонной крошки и чем-то ещё — древним, забытым, будто открыли склеп, который не трогали несколько веков.

Не прошло и суток, а над крылом вспыхнуло свечение. Красное. Окутанное молочной дымкой. Пульсирующее, словно заблудшая звезда, упавшая с мифических небес, недосягаемой наружи.

Бронзовая ладонь Ленина всё так же указывала прямо на

крыло. Казалось, Ильич довольно ухмылялся: «Видите? Я же говорил».

Вот уже несколько суток кряду, сектор 17 жил этим явлением. Обсуждали везде — в очередях за концентратом, на лестничных клетках, в жилячейках, собравшись в небольшие кучки. Говорили шёпотом. Боялись — вдруг стена услышит.

Каменное крыло так и назвали — «Ангельское». Явлению над ним дали название «Красная звезда». На неё нельзя было смотреть долго. Начинала болеть голова, перед глазами вспыхивали красные круги, и появлялось угнетающее чувство, что оттуда, из молочной дымки, за тобой тоже наблюдают.

В партийных кабинетах дискуссии доходили до истерик. В НИИ самые великие умы ломали головы: спектральный анализ давал сбой, приборы врали. Высота была слишком большой. Навскидку — метров пятьдесят. Чернобожники шептали, что это Око Чернобога. Секта Бетоноворота объявила крыло новым архитектурным каноном — посланием от самого создателя Дома.

Политики боялись. Военные точили грабли и заряжали резервные гравитационные жернова — на всякий случай.

В итоге сошлись в одном — политики, военные, даже учёные, которые наконец-то увидели шанс выбить дополнительное финансирование: нужно лезть. Осмотреть. По возможности изучить. Пока бетонная утроба не переварила Ангель-

ское крыло, возможно, протягивающее человечеству спасение. Или угрозу.

2

Группу добровольцев возглавил Игорь Светляков. Несмотря на молодой возраст — двадцать пять лет — глава отдела ликвидаторов сектора. Для этой должности — почти мальчишка. Но те, кто сомневался и не имели в друзьях госпожу удачу, обычно не доживали до его возраста.

Хмурый, коротко стриженный, отлично подготовленный физически. И что немаловажно в данном деле — целеустремлённый. В талонной книжке у него было тринадцать выходов в зоны заражения. Дюжину раз он видел, как фиолетовый туман пожирает людей. Он не верил в богов. Не верил в партию и местных проповедников. Верил в себя и хорошо продуманный план. Знал, что если запахло сырым мясом — нужно бежать.

Но зачастую бежать было некуда. Гермодвери блокировали, коридоры перекрывало туманом, и вся надежда оставалась на противогаз, плотно запертую дверь ближайшего помещения и великое чудо.

В Красной звезде, что парила над исполинским крылом, он видел намёк на одно из этих самых необходимых чудес. Или, по крайней мере, на ответ. А ответы в Гигахрущёвке, иной раз стоили дороже талонов на концентрат.

Стройка лесов началась на восьмой день.

Сотня умелых рук. Три смены. Круглосуточно. Изобетонные балки, старые трубы, арматура, выдернутая из старых перекрытий… — всё шло в ход. Конструкция росла вверх, к крылу.

Чем выше поднимались строители, тем страннее становилась ситуация. Казалось, сам воздух становился гуще. Голоса звучали приглушённо, будто из-под воды.

Сначала у людей начали выпадать из памяти слова. Молодой сварщик Александр, поднявшись на леса, вдруг уставился на электрод и спросил: «А это чем берут?». Те, кто был рядом, замерли. Шутка ли — забыть инструмент, которым работаешь каждый день. Через минуту он уже орал, тыча пальцем в кислородный баллон — не мог вспомнить слово «огонь». Его спустили вниз. Там, он минут десять сидел, обхватив голову руками, пока слова не вернулись.

Каждому, причастному к строительству, приходилось спускаться вниз, по несколько раз за смену. Там они приходили в себя. Память возвращалась. И они снова лезли наверх, в зону, где реальность трещала по швам.

Сроки горели, и Игорь делал всё, что в его силах: спал по два часа в сутки, сидя на бетонном блоке, прислонившись спиной к холодной стене. Глаза покраснели, голос сел, но он не позволял себе слабости. Выбивал у партии дополнительные талоны для поощрения самых трудолюбивых. Для этого пришлось трижды сходить в главблок, написать четыре заявления и выслушать получасовую лекцию о том, что «соци-

алистическое деяние должно быть моральным, а не меркантильным стимулом». Талоны он всё-таки получил.

А крыло уходило обратно в стену. Медленно. Нехотя. Словно хвастливый призрак, который показал свою игрушку, подразнил людей. А наигравшись, теперь прятался обратно в серую плоскость. По ночам, в тишине, было слышно, как бетон смыкается за ним — глухо, с протяжным скрежетом, будто стена залечивала собственную рану.

Каждый вечер Игорь сидел на бетонном заборе за котельной — там, где пахло содой и мазутом — и задрав голову, смотрел на заблудшую звезду в тумане. Рядом курила Вера. Санинструктор, спасшая ему жизнь после того, как чёрная слизь прожгла бронеплиту. Курила она редко — говорила, что лишний раз тратить талоны на самокрутки глупо. Но здесь, глядя на Красную звезду, ей почему-то хотелось достать папироску.

— Красиво, — сказала она однажды. — Как будто там, наверху, не стена, а дверь.

— Возможно, там смерть, — ответил Игорь.

— Это и так везде. А там хотя бы неизвестность.

Он не стал спорить. Просто взял её за руку. В Гигахрущёвке это было главной роскошью — ощущать тепло любимой ладони, пока вокруг воют сирены. А когда сирены молчат, страх никуда не девается — просто затаивается за стенами. И рука, сжимающая твою, — единственное, что делает этот мир хоть немного похожим на нормальную жизнь.

3

День икс наступил на двадцатые сутки.

Гигантское крыло вновь начало прятаться в стену. Оно почти скрылось. Торчал лишь кончик — три метра бетонной окаменелости. Красная звезда прижалась к стене, мерцая в дымке, как кусок раскалённого металла.

— Я пойду, — сказал Игорь, понимая, что другого шанса может просто не быть.

Никто не спорил. Даже партийный куратор, тучный мужчина с вечным тиком левого глаза, лишь кивнул и достал флягу с борщевичной настойкой.

— Будешь? — предложил он.

Игорь помотал головой. Сказал:

— Здесь нужны силы и трезвая оценка ситуации. Там, наверху, — он кивнул в сторону лесов, — происходят странные вещи с сознанием.

Куратор поджал губы и дёрнул плечом, а затем сделал несколько больших глотков.

Игорь подошёл к Вере. Поцеловал её.

— Береги себя, — попросила она, прижимая его крепко.

— Всё будет хорошо, — пообещал ей Игорь.

Он улыбнулся ей — коротко, краем губ. Затем развернулся и принялся взбираться по лесам. Руки дрожали. Не от страха — от неизвестности. Игорь поднялся настолько высоко, насколько позволяла конструкция. Голова гудела. Слова

— «верёвка», «крюк», «крыло» — ещё держались, но он чувствовал, как они ускользают, словно песок сквозь пальцы. Борясь с приступами частичной амнезии, уже знакомой после нескольких подъёмов сюда, он распутал верёвку, на конце которой был штурмовой крюк. Раскрутил. Бросил. Металл лязгнул о бетон. Зацепился за торчавшее перо крыла.

Внизу ахнула толпа. Собрались все — и те, кто строил, и те, кто просто пришёл поглазеть. Женщины в телогрейках, коллеги, даже старухи с узлами, шепчущие молитвы Чернобогу от безысходности. Кто-то сжимал кулаки, кто-то просто смотрел, открыв рот. Были и такие, кто махали руками, подбрасывали вверх противогазы, свистели, кричали:

— Давай, Светляков! Жми!

Игорь потряс головой, прогоняя туман из сознания. Медленно втянул воздух. Выдохнул. И, вцепившись в верёвку, рванул вверх.

Руки горели. Верёвка скользила, и каждый рывок отдавался в плечах тупой болью. Туман облеплял лицо, как паутина, но запаха сырого мяса пока не было. Этот туман был иного происхождения и это радовало. Он лез, цепляясь за выбоины. С каждым метром мир внизу становился всё меньше, превращаясь в грязную серую лужицу, окружённую панелями.

Он почти коснулся пера, когда завыли сирены.

Не сразу. Сначала — гул. Тот самый, от которого закладывает уши и стены начинают дышать. А потом — вой. Пронзи-

тельный, страшный, живой. В нём слышались голоса — мать, зовущая ребёнка, приказ командира, предсмертный вопль. Всё, что фиолетовая дрянь поглотила раньше.

Самосбор.

Игорь замер. Потом втянул носом воздух.

Запах сырого мяса. Свежего, как будто только что разделанная туша.

— Спасайтесь! — заорал он, но голос утонул в вое.

Его не слышали. Или слышали, но было уже поздно.

Фиолетовый туман хлынул из щелей, из вентиляции, из-под ног. Плотный, как кисель. Он тёк по полу, набирая скорость, закручиваясь воронками у ног тех, кто замешкался. Он обтекал людей, и там, где касался кожи, она начинала пузыриться, превращаясь в чёрную слизь.

Игорь не мог помочь. Он был слишком высоко. Да и чем можно помочь этим обречённым?

— Вера, — прошептал он, чувствуя, как страх сдавливает грудь, мешая дышать. Она стояла там, внизу, среди этих обречённых. Подняла голову. Смотрела на него.

«Лучше бы не приходила», — подумал Игорь.

Но разве могла она не прийти и не поддержать его — своего избранника?

Он с остервенением рванул вверх, из последних сил перебирая руками. Крюк держал. Игорь подтянулся, ухватился за перо — холодное, гладкое, непохожее на шершавую стену — и закинул сперва ногу, а затем и тело на каменный выступ.

Молочный туман здесь был густой и опасности не представлял. Он просто висел, переливался красными всполохами. И не было в нём хищных тварей. А ещё… здесь ощущалась ранее чуждая лёгкость — гравитация не давила на плечи, как обычно. Звуки снаружи доходили будто через толщу воды. Словно он шагнул за грань мира, где привычные законы физики, сирены и Самосбор уже не властны.

Игорь огляделся.

Крыло уходило в стену, образуя глубокую нишу. А в нише стояла телефонная будка. Старая, советская, из рифлёного стекла и ржавого металла. Над дверью горела табличка: «ТЕЛЕФОН». Красным неоном, пульсируя в такт его сердцу.

4

Он подошёл, потянул за ручку. Дверь открылась.

Внутри — только таксофон. Массивный, литой, серый. Диск набора номера с круглыми отверстиями для пальца — цифры почти стёрты и нечитаемые. Трубка висела на рычаге.

Снизу всё так же доносились крики. Предсмертная агония. Игорь стиснул зубы. Сотня человек. Может, больше. Он не мог их спасти. Умереть вместе с ними тоже — фиолетового тумана здесь не было. Он стоял и лихорадочно думал, пока внизу горел ад.

Телефон зазвонил.

Звук был резкий, нестерпимо громкий. Игорь схватил трубку.

— Слушаю!

В трубке было тихо. Ничего, кроме еле слышного потрескивания.

— Произнесите одно желание, Игорь, — сказал голос. Мужской, уверенный, безэмоциональный. — Касающееся только вас. Одно.

— Что?..

— Время на исходе, — повторил голос. Будка вздрогнула, вжалась в стену ещё сильнее. Заскрежетал металлический каркас и лопнула пара стёкол в двери. — Одно желание. Без манипуляций с временем. Без подмен правил мироздания. Только вы.

— Кто вы?

— Мы — ЛОМИФ. Ловцы опасных мыслей и фантазий. Небесная канцелярия. Поспособствуем, чтобы одно ваше искреннее желание достигло адресата и материализовалось. На разговоры нет времени. Загадывайте.

Игорь посмотрел вниз. Сквозь треснувшее стекло будки. Там, в фиолетовом месиве, падали, бегали и вопили люди. Некоторые стояли в ожидании смерти или чуда и молча смотрели вверх, на него.

— Пусть каждый, кто сейчас в Гигахрущёвке, окажется снаружи. Каждый. Без исключений, — сказал Игорь.

— Только вы.

— Хочу, чтобы мы…

— Только вы, Игорь. Небесная канцелярия — не бюро

добрых услуг.

Игорь выдохнул.

Он хотел сказать: «Пусть она выживет». Потом: «Пусть мы оба окажемся снаружи». Но голос сказал — «только вы». Ненависть и надежда овладели его разумом.

— Пусть Самосбор перестанет убивать, — сказал наконец Игорь.

Тишина в трубке. Пауза затянулась.

— Вы уверены?

— Да. Пусть он не убивает. Никогда.

— Принято, — сказал голос. — Данная аномалия больше не угрожает лично вам.

В трубке запищали короткие гудки.

5

Игорь опустил трубку. Ничего не изменилось. Самосбор там внизу всё так же пожирал людей. Сирены всё так же выли.

Он обернулся и увидел Веру — она с трудом забралась на каменный выступ, запыхавшаяся, с разбитыми в кровь губами. Противогаз болтался на шее, глаза бешеные, испуганные.

— Ты живой! — выдохнула она с облегчением. В голосе слышались и радость, и ужас, и любовь, и страх.

— Вера, — сказал Игорь, взяв её за плечи. — Сними трубку, — начал он торопливо. — Попроси их. Попроси выпу-

стить всех наружу. Или… спасти хотя бы сейчас. Людей…

Она внимательно посмотрела Игорю в глаза, затем на таксофон. Не спросила «кого». Просто подошла, дрожащей рукой подняла трубку, прижала к уху.

— Здравствуйте. Меня зовут Вера. Я хочу, чтобы все вышли наружу. Чтобы все, кто здесь, в Гигахрущёвке, увидели небо. Пожалуйста.

Голос в трубке что-то ответил. Игорь не слышал — только глухое бормотание, — но увидел, как лицо Веры изменилось. Сперва стало бледным и растерянным. Секунда. Вторая. Потом она что-то сказала шёпотом. Ей что-то ответили. Лицо её стало более спокойным. Почти счастливым.

— Хорошо, — сказала она. — Я поняла.

И посмотрела на Игоря взглядом, который он запомнит навсегда, — прощающим, прощающимся, любящим.

Игорь хотел вырвать трубку из её рук, но было поздно. Вера начала светиться изнутри. Тёплым, золотистым светом, которого не бывает в этом мире бетона и фиолетового тумана. Игоря отбросило назад тёплой волной. Прикрывая ладонью глаза, он увидел её улыбку — виноватую, нежную.

— Прости и прощай, — прошептала она. — Я увижу наружу.

Она исчезла. Вместе с телефонной будкой — та просто моргнула красной табличкой «ТЕЛЕФОН» и схлопнулась в точку. Вместе с крылом — бетонные перья осыпались серой пылью, не долетев до земли. Растворилась, как заблудшая

звезда, на полотне предрассветного неба. Если верить легендам, что какое-то небо вообще существует.

Игорь упал на леса. Ударившись спиной, он ухватился за торчавшие трубы и не полетел вниз с этой высоты. Он решил отлежаться. Прийти в себя. *Просто лежал и смотрел на серый потолок, сквозь пустоту, где только что была она.*

Сирены смолкли.

Фиолетовый туман рассеялся.

6

Внизу, на площади, лежали тела. Сотни тел, превратившихся в чёрную слизь. Но десяток людей выжили — те, кто успел забиться в углы, кто нашёл укрытие и молился или просто оказался дальше от эпицентра. Они поднимались на ноги, оглядывались, плакали.

Игорь спустился вниз. Целый. Невредимый.

Его встретили с опаской. Выжившие смотрели на него как на призрака. Или, как на того, кто продал душу. Про него начали сочинять легенды и придумывать небылицы. *Кто-то шептал, что он заключил сделку с Чернобогом. Кто-то — что он сам теперь не человек. Игорь не слушал.*

Молочный туман там вверху не тронул Игоря, но забрал Веру. Фиолетовый туман здесь внизу теперь вообще не являлся для него угрозой. Он проходил сквозь его клубы, как сквозь утренний туман над рекой, которой здесь никогда не было. Чудовища обходили Игоря стороной. Порождения зла

замирали и пятились, прижимаясь к стенам. Он стал призраком для самого Самосбора.

Некоторое время спустя…

По коридору жилого сектора шёл человек. Потерявший любовь. Но нашедший взамен силу. Точнее, неуязвимость перед самым страшным явлением. В руке он сжимал телефонную трубку — она осталась после исчезновения будки. Игорь нашёл её и больше не выпускал. Иногда, в тишине, он слышал в ней далёкие гудки.

— Я свяжусь с вами снова, — сказал он пустому коридору. Но на самом деле, давал обещание самому себе. — Я доберусь до Небесной канцелярии и попрошу их вернуть её. А лучше меня отправить туда, куда она ушла.

Стены молчали. Лампочки Ильича мигали в такт его шагам. Памятник Ленину у лифтового холла по-прежнему указывал вверх.

«Стремитесь и достигнете, товарищи».

Игорь Светляков усмехнулся и пошёл дальше.

А где-то далеко, за пределами Гигахрущёвки, девушка по имени Вера сидела на берегу озера и наслаждалась созерцанием звёзд. Они были настоящие. Не красная заблудшая звезда в молочном тумане. А живые, холодные, бесконечные огни. Они отражались в водной ряби озера. Под шелест листвы и сладкое пенье птиц. Много было звуков вокруг, но она не знала, как их называть. В её мире не было птиц. Только сирены. Только вой.

Вера улыбнулась своему отражению в воде, вспоминая серые глаза человека, который остался в бетонном аду. Остался в её сердце. Она заплакала, потому что чувствовала, знала — им не суждено встретиться. Разве что во снах.

Завтра

1

Пыль заброшенного храма Дмитрия Солунского была не просто пылью. Это была материализованная апатия.

Марк, один из сильнейших в прошлом функционалов, номер Пятый, а ныне — просто призрак в давно заброшенных, обветшавших «декорациях», сидел в кресле и анализировал узор трещин на потолке. Его разум, отточенный годами работы Архитектором, не мог полностью отключиться. Он видел в этих хаотичных линиях нарушенные пропорции, ошибки в расчётах несущих конструкций реальности. Застрявший в этом опротивевшем ему пространстве, лишённый возможности действовать, Марк чувствовал себя неисправным механизмом — бессмысленно тикающими часами, не способными сдвинуть не подчиняющиеся им больше стрелки. Он упорно рыскал внутренним взором по пространству — искал тонкие, едва различимые нити, связывающие его с реальностью. Он был… начеку, поэтому и заметил Визитёра первым.

Остальные даже не отреагировали на его появление. Бывшие функционалы, отрёкшиеся от своих цитаделей и бросившие вызов канонам мироздания, они, как и Марк, обитали в этом полуразрушенном храме. Теперь каждый из них желал одного: покинуть это место — проклятый кусочек

междумирья. Они мечтали о прощении, которое позволило бы им вернуться в тот мир, из которого их изгнали, или вознестись на небеса и обрести там долгожданный покой. Хотя кто мог их простить? Бывшие коллеги, ставшие врагами? Или та самая небесная канцелярия, чьи предписания они нарушили?

Чёрный, как беззвёздная ночь, визитёр не вошёл в дверь и не соткался в воздухе — он проявился, обретая чёткость и телесность постепенно. Он просто вдруг обнаружился там, где ещё секунду назад его не было. Марк ощутил: перед ним сущность иного порядка, непохожая ни на что известное прежде. Ничего древнее и глубже он не встречал.

Широкополая шляпа, лицо, замотанное чёрным шарфом до тёмных впадин вместо глаз, свободное пальто того же цвета, из рукавов которого виднелись длинные пальцы, а вместо ног — лишь клубы мерцающего дыма, стелющиеся по полу. Фигура явившегося не отбрасывала тени — он сам был её источником, живым сгустком небытия.

— Приветствую тебя, Марк, — прозвучал голос.

Шёпот был едва слышным, но эхо подхватило его, прокатив по залу и вытеснив застоявшееся безмолвие.

Марк медленно поднял на гостя взгляд. Давно никто не приходил к нему. Давно никто не называл его по имени.

— Меня зовут Вильгард, — представился визитёр. — Я — жнец. Тот, кто сопровождает души, когда для них заканчивается время… — Он окинул взглядом просторное поме-

щение.

— Пришло моё время? — спросил Марк, всем своим видом умоляя жнеца ответить «да».

— Нет, — Вильгард покачал головой, и тень под широкими полями шляпы колыхнулась. — Для мира живых ты умер давно. Но ты всё ещё здесь. Между… Именно поэтому я пришёл с предложением.

Марк молча слушал, вглядываясь в тёмные впадины вместо глаз.

— Ты нужен мне, Пятый.

— Кому? — глухо спросил Марк. — Лично тебе? Или тому, кто тебя послал?

— Миру, который вот-вот рухнет. Канет в небытие, если угодно.

Жнец сделал движение, похожее на шаг. Клубы дыма под его пальто перетекли по каменным плитам пола, приближая визитёра к Марку. В руке жнеца, состоящей из беспросветной тьмы, появился предмет. Он был маленьким… ничтожным в этом алтаре забвения. Ржавая круглая ручка. Марк замер, словно загипнотизированный. Впился взглядом в до боли родной предмет — предмет, что когда-то открывал дверь в его функцию. В его дом, его крепость. К ручке была привязана бечёвкой аккуратно свёрнутая в трубочку записка.

Вильгард протянул её Марку.

Борясь с нахлынувшим волнением, Марк взял ручку с привязанной к ней запиской. Холодный шершавый металл

начал жечь ладонь, ледяными вспышками вызывая в памяти картины прошлого: чертежи, расчёты, гордое одиночество в стеклянной ротонде на крыше высотки. Он думал, что подобные воспоминания давным-давно выветрились, как запах ладана из этого храма. Утихли навеки, подобно отзвеневшим колоколам покосившейся часовни.

— Почему я? — глухо спросил Марк.

— Потому что остальным это не под силу, — Вильгард пристально смотрел на него своими тёмными впадинами. — Каждому дано видеть свой слой. Функционалы видят цитадели и энергии. Люди — улицы и дома. Даже жнецы фиксируют лишь конечные точки очередного отрезка пути, что проходят души. Но ты… ты был почти стёрт. Пытаясь совместить несовместимое — завис между мирами. Ты охватываешь всё сразу: мир живых, мир духов, мир функционалов. Ты способен узреть изменения не только в архитектуре зданий. Ты видишь структуру самой реальности. Её материю. Её гармонию. Или дисгармонию.

Марк сжал в кулаке ржавую ручку. В его глазах, потухших много лет назад, мелькнула искра. Не надежды. Интереса. Инженерного интереса к сложной задаче.

— Что я должен сделать? — спросил он у визитёра.

— Сперва — восстановить свою функцию, — ответил Вильгард. — Свой «фонарь». Тот самый бельведер на набережной. Он был твоим домом, твоей крепостью. Сделай его снова ею. А затем… — жнец кивнул на записку. — Затем

спаси тех, от кого зависит судьба этого мира, ставшего для вас, даже для таких как ты, Чистовиком. Символом победы работы над ошибками.

— Кого нужно спасать? — спросил Марк, чувствуя, как тяжесть задачи свинцовым плащом ложится на его плечи.

— Кирилла Максимова — человека, отказавшегося быть куратором, но оставшегося важным элементом сего мира. И Константина Чагина — нынешнего куратора Чистовика. Они — опоры. Они — одна из граней Веера миров. И кто-то хочет срубить эти опоры, сломать грань.

Вильгард отступил на шаг, и его фигура начала рассеиваться, как дым на ветру.

— Сложившаяся ситуация даёт тебе шанс, Архитектор, — его голос прозвучал уже как эхо. — Не упусти его. Ибо если рухнет этот «Чистовик», за ним последуют и другие. Начнётся цепная реакция. И тогда спасать будет уже нечего.

— Сколько у меня есть времени? — спросил Марк.

Он задал самый обычный вопрос. И удивился, заметив, что голос его дрогнул. Одновременно что-то стало происходить с ним самим. Он вдруг почувствовал, что тело его, так долго бывшее невесомым, стало тяжелеть. Мгновение, другое — и гравитация придавила его к полу. Подошвы ощутили твёрдую поверхность, её прохладу. Мышцы — забытое ощущение! — сделались упругими и как будто налились жаром. Он снова обретал плоть. Снова становился живым.

— Сколько у меня времени? — повторил он. — От кого

защищать? И когда это случится?

Но жнец не ответил. Исчез. В зале снова стало тихо.

Марк разжал ладонь и посмотрел на то, что оставил ему таинственный наниматель, — на ржавую ручку. Затем развернул записку. Там не было имён. Лишь схематичный набросок — четыре точки, соединённые ломаной линией, и выведенное каллиграфическими буквами слово: «ЗАВТРА».

Договор, невидимый для живых, был заключён. Где-то в сумраке между сном и явью дано немое согласие — крепче любой печати и подписи. Теперь он, Марк, не просто призрак, изгой, застрявший между мирами. Теперь он — нанятый жнецом. Эмиссар. Звучит гордо, но на деле — мало что понятно. Обязанности туманны, сроки — расплывчаты. Он должен был совершить что-то важное и… опасное. Что-то, от чего теперь шевелились волосы на голове. Задача, которую он должен был решить во что бы то ни стало, висела над ним, как грозовая туча, — тяжёлая, неотложная.

Марк медленно поднялся с кресла. Апатия, державшая его в плену все эти годы, отступила, сменившись холодной, ясной решимостью. Он вышел из зала, не оглядываясь на своё прошлое призрака.

Марк шагал, вдыхая свежесть московской ночи. Улыбался нарастающему чувству голода: обычному… человеческому. Расхохотался, когда запнулся о бордюр и ощутил боль — ту самую боль, по которой он, оказывается, тоже соскучился.

Мимо проезжали машины. Изредка встречались прохо-

жие. Они странно косились на Марка — видимо, из-за одежды. А может, из-за выражения лица — блаженного, необычного. Он был не такой, как они. И не станет. Никогда. Но сейчас это его только забавляло.

Через несколько часов впереди показался дом на Космодамианской набережной. На его крыше располагался уже заметно обветшавший бельведер. Казалось, постаревший, но ещё не утративший внутренней силы, он горделиво смотрел на город.

Радостный момент смазывала мысль: впереди была война за реальность. И он, Марк, бывший Архитектор, а ныне — нечто большее и одновременно меньшее, чем человек, должен был её выиграть.

2

Заброшенный терминал аэропорта «Быково» давно не видел обычных пассажиров. Пыль на стульях зала ожидания была не просто пылью — она была прахом времени, осевшим на них густым слоем. Но для Матвея Алексеевича — функционала-пограничника — это место было не памятником былого, а живым организмом — его цитаделью. Воздух трепетал от невидимых потоков энергии, пах озоном и ещё чем-то, что Матвей назвал бы «ароматом чужих миров».

Матвей, с лицом человека, слишком часто видавшего невероятное, чтобы чему-нибудь удивляться, допивал кофе. Его досмотровая зона — бывший зал вылета — была устав-

лена приборами, назначение которых понимал только он. Один монитор показывал спектральный анализ сущности, недавно прошедшей таможню, другой — давление в межмировом шлюзе, третий сигнализировал о просроченных визах разгуливающих в Чистовике туристов-иномирцев.

Матвей потянулся, собираясь заварить новую порцию кофе, и взгляд его машинально скользнул по огромному, забранному в армированный переплёт окну. И застыл.

Раскинувшаяся снаружи «нейтральная территория» изменилась.

— Что за чёрт?.. — вырвалось у него шёпотом.

За стеклом творился сюрреалистический кошмар. Раскачивающиеся за окном деревья, неизменно радовавшие его вечной зеленью, начали стремительно желтеть, затем чернеть и рассыпаться в труху. Небо, обычно ровного свинцового оттенка, пошло трещинами, как старый холст, и из них наружу поползла густая молочная дымка. Земля содрогалась, вздыбливая асфальт.

Но это было не самое страшное. Самое страшное — он чувствовал. Беззвучный вопль. Паника, ужас, мольба, вплетённые в саму ткань реальности там, за стеклом. Голоса, стоны, крики — словно целый мир молил его о помощи, стоя у порога.

И вдруг — движение! Из белой кисеи тумана вырвался силуэт. Человек, сгорбленный, в разорванной униформе неведомой Матвею армии. Он, спотыкаясь, бежал из последних

сил, а за ним тянулся шлейф туманных щупалец. Его взгляд — дикий, полный животного страха — на миг встретился со взглядом Матвея. И старый функционал-пограничник узнал своего коллегу-соседа с Земли-21. Это был Дмитрий — мастер по изготовлению оружия любого типа и калибра.

БАМ!

Беглец с размаху врезался в непробиваемое стекло, отскочил спиной назад и грузно рухнул на землю.

— Чёрт побери! — Матвей отшвырнул кружку.

Все инструкции и протоколы безопасности разом вылетели из головы. Он рванулся к пульту, ударил ладонью по большой красной кнопке. С шипением и скрежетом массивная дверь шлюза поползла в сторону.

Выскочив наружу, Матвей ощутил иное… непривычное давление. Воздух был густым, тяжёлым, сладковато-трупным. Он подбежал к лежавшему на земле коллеге, опустился на колено. Осмотрел бедолагу. Дмитрий был без сознания, на его губах пузырилась розоватая пена.

— Держись, — попросил его Матвей, наклоняясь и прикладывая пальцы к шее, чтобы проверить пульс.

В этот миг тело под ним вдруг вздыбилось, изогнулось в судороге. Глаза мужчины закатились, сделались молочно-белыми. Затем раздался мерзкий хруст, потом — шелест. Плоть, кости, одежда — всё начало рассыпаться. И буквально за секунду превратилось в мелкий, ещё тёплый прах. Лишь тёмный силуэт на земле теперь напоминал о том, что

здесь был человек.

Матвей застыл, его рука все ещё вытянута, но теперь — в пустоту. Рассудок отказывался верить глазам.

— Доброта, увы, слепа, — раздался за его спиной бархатный, спокойный голос.

Матвей дёрнулся, резко обернулся.

В проёме открытой двери, ведущей в родной мир, стоял незнакомец. Высокий, плечистый, в мантии цвета запёкшейся крови. Капюшон скрывал лицо. А может, и не было там вовсе лица — так показалось Матвею. Функционал-пограничник попытался встать, но понял, что тело ему не подчиняется: какая-то неведомая сила парализовала его.

«Чёрная магия?» — подумал Матвей, безрезультатно пытаясь сбросить невидимые оковы.

Незнакомец невозмутимо поправил перчатки, всем своим видом показывая, кто является хозяином сложившейся ситуации.

— Кто вы? — голос Матвея сорвался на хрип. — Что вы сделали?

Незнакомец усмехнулся, похоже. Во всяком случае, голос его прозвучал насмешливо:

— Моё имя ничего тебе не скажет. Впрочем… — чужак, кажется, хмыкнул. — Я Сарас. Рад знакомству.

Матвей ничего не ответил. А чужак продолжал:

— Что я сделал? Ничего. Только констатировал факт: доброта слепа. А я просто убираю мусор, — голос зазвучал по-

чти сочувственно. Незнакомец слегка развёл руками и добавил: — Твой портал оказался удобной лазейкой.

Затем он сделал резкий шаг, откинув на ходу полу мантии. Второй шаг. Ловко извлёк из ножен катану и занёс её над головой.

И Матвей всё понял. Понял всё разом. Природу тумана. Крики. Исчезновение беглеца. Собственную судьбу.

Он успел подумать: «Кофе, наверное, остыл». Странная мысль перед самым концом.

Лезвие катаны блеснуло в лучах пробивающегося через туман солнца, описало в воздухе короткую безупречную дугу. И это было последнее, что увидел функционал Матвей.

Тишина, темнота… и мир живых стал для него недосягаемо далёким.

3

Крыша дома на Космодамианской набережной встретила Марка тихим гулом и шорохами — это ночной ветер гулял между кирпичными парапетами и шпилями. А в центре крыши, подобно капитанскому мостику корабля, застывшего в самом сердце города, возвышалась его цитадель — бельведер с широкими застеклёнными проёмами. За годы запустения он покрылся пылью, копотью и паутиной. Казалось, сама реальность старалась сделать это строение невидимым, стереть, как стёрла его хозяина. Почти стёрла.

Марк подошёл к двери. Уткнулся в неё лбом. Прошептал:

— Ну, здравствуй.

Та самая, знакомая до боли, круглая ручка, которую он сжимал в ладони всю дорогу, с щелчком встала на своё место. Ржавая, холодная, но по-своему родная.

Секунда. Вторая…

И мир взорвался воспоминаниями.

Не картинками — чистым знанием. Он стал на мгновение функционалом, тем самым молодым и наивным Архитектором, который видел в Системе не догму, а чертёж, требующий доработки. Вспомнил, как вносил свои правки, пытался усовершенствовать картинку реальности. В итоге его действия привели к печальным последствиям.

И снова в ушах его зазвучали слова, въевшиеся навсегда в память: «Нарушение запрещённых протоколов. Самоуправство. Приговор — стирание». Ощущение падения в ничто. Потеря всего.

Марк дёрнул ручку на себя. Скрипнули петли. Дверь открылась.

Внутри пахло пеплом и забвением. Следы давнишнего пожара чернели на стенах, как шрамы. Но в тот миг, когда он переступил порог, пространство содрогнулось.

Тихий, едва слышный гул пронёсся от основания до шпиля бельведера. И стены… вздохнули. Тёмные подпалины стали бледнеть и исчезать, словно их поглощала сама структура материала. Обугленные балки светлели, наливаясь прочностью, а потрескавшаяся штукатурка срасталась, ста-

новясь идеально ровной.

Марк чувствовал: энергия, наполняющая стены, шла не из мира функционалов. Она была иной — такой же странной, как теперь его собственная суть. цитадель не ремонтировалась. Она просыпалась. Вспоминала своего хозяина.

В центре круглого зала из ничего проявился массивный стол из тёмного дуба, на котором возникла трёхмерная проекция города — та самая карта реальности, интерфейс для работы Архитектора. У стены возникла простая койка, а в нише — раковина. Над ней — несколько полочек с посудой. Всё необходимое для быта и службы. Ничего лишнего.

Но главным были окна. Широкие, арочные, они шли по всему периметру бельведера, и из каждого открывалась своя, уникальная перспектива на спящий город. Марк подошёл к первому.

Внизу, залитая светом ночных огней, виднелась Красная площадь. Она была как на ладони — идеальная брусчатка, Мавзолей, купола храма Василия Блаженного. Последние горели в ночи мягким золотым свечением, которое видел только он.

Марк перешёл к следующему окну. Отсюда была видна Спасская башня с её легендарными курантами. И прямо за ней, чуть вдали, угадывался изящный силуэт Никольской башни. Марк видел их иначе: не как архитектурные памятники, а как точки силы, как незыблемые константы в уравнении московской реальности. От Спасской башни тянулись

ровные, уверенные линии порядка, а купола Василия Блаженного создавали сложный, но гармоничный узор, стабилизирующий пространство вокруг.

Он был дома. Не в уютном гнезде, а на боевом посту. Он снова — Архитектор. Но уже не прежний, наивный идеалист.

Теперь его взгляд различал не только красоту линий, но и хрупкость всей конструкции — видел мир живых, мир духов и мир функционалов, наложенные друг на друга, как через кальку. Сконцентрировавшись, Марк смог выделить из общей массы функционалов — они пульсировали красными огоньками, и насчитывалось их в Москве и ближнем Подмосковье чуть меньше полутора сотен.

Марк повертелся, разглядывая, как пространство вокруг него заполняется проекцией города. Контуры проступали, обретая яркость, важные локации подсвечивались белым сиянием, призраки улиц обрастали деталями: энергетические потоки, многоэтажные здания, памятники архитектуры… Марк знал: скоро там появятся первые тревожные сигналы. Скоро начнётся его новая война. Он это чувствовал.

— Завтра, — тихо произнёс Марк, опираясь о стол сжатыми кулаками.

Но пока была только ночь, огни города внизу и безмолвный, восстановленный порядок его крепости — его функции. Первый шаг был сделан.

Время перелистнуло страницу, не спросив его согласия.

«Завтра» наступило внезапно и бесшумно, заполнив цитадель звенящей тишиной предстоящей битвы.

Марк закрыл глаза, прогоняя усталость, отсекая внешний мир. Перед его внутренним взором проступил скелет города — не схема, а живая, пульсирующая сеть силовых линий. Он пробежался по ним сознанием, как по струнам: быстрым перебором. Линия пограничника Матвея представлялась оборванным телефонным проводом, изливающим в пространство ледяное безмолвие. Это было странно. Даже смерть функционала Марк не должен был ощущать таким образом. Нити кураторов — Константина и Кирилла — натянуты до предела, их тревожная вибрация отзывалась болью в естестве Чистовика.

«Интересно, что сейчас чувствуют кураторы», — подумал Марк.

И тогда он мысленно нащупал аномалию, ощутил зияющую дыру. Не разрыв, а место, где реальность словно бы переставала существовать. Абсолютный вакуум, пожирающий сам смысл бытия. Разрастающаяся чернота, как капля яда по паутине, скользила по старым, плохо залатанным швам настоящего, целенаправленно двигаясь по двум натянутым нитям. Одно из ответвлений быстро ползло к цитадели Константина, и барьеры куратора Чистовика не сопротивлялись — они, похоже, просто забывали, как быть барьерами. Второе — устремилось к дому Кирилла. У того, как у обычного человека, барьеров или защиты и вовсе не было. Спасала

сила, что таилась внутри — сила бывшего функционала, не пожелавшего взойти на престол куратора.

«Враг видит структуру так же, как и ты», — подсказал внутренний голос.

Окна-арки цитадели потемнели, превратившись в идеальные дисплеи, на которых замерцали фрагменты карты: повреждённые районы и просчитанные вариации развития событий. Архитектор смотрел не на здания — перед ним предстал энергетический каркас реальности.

К своей радости, Марк отчётливо ощутил функционала-полицейского. От служителя закона исходил едва уловимый сигнал тревоги, но он решительно двигался в сторону эпицентра растущей иномирной коррозии. Для Архитектора полицейский выглядел как мерцающий маячок надежды в бушующем океане угрозы.

«Надеюсь, ты вызвал подкрепление», — подумал Марк, просчитывая расстояние до ближайших функционалов.

4

Воздух пригорода был холодным и влажным, пахнущим озоном и прелой листвой. Глядя на показавшийся впереди терминал заброшенного аэропорта «Быково», функционал-полицейский съехал на обочину и остановился. Сетуя на возраст и тучное телосложение, он с трудом выбрался из машины. И сразу же… вместе с мучившей его одышкой почувствовал внутреннюю тревогу.

«Вряд ли это связано с тем, что я прилично удалился от

своей функции-участка», — размышлял Степан, ощущая, что связь с ней истончилась до хрупкой, болезненно вибрирующей нити.

Это пугало старого функционала, ведь он и раньше бывал в гостях у своего друга Матвея, но такого никогда не ощущал.

«Случилось что-то неладное», — подумал с тревогой Степан.

Он совсем не желал оказаться правым в своих догадках. Но то, что Матвей не вышел на связь в оговорённое время, наталкивало на дурные мысли. И несмотря на расстояние между их функциями, Степан был обязан отреагировать и лично проверить, всё ли в порядке у друга.

Гоня прочь мрачные предчувствия, он медленно зашагал к центральному входу в терминал. Свой тактический фонарь Степан сжимал так, будто это была цепь последнего якоря в родной реальности. Служитель закона двигался бесшумно, настороженно вглядываясь и вслушиваясь в окружающее пространство. И замер, когда луч света, дрогнув, выхватил из тьмы фигуру.

Странным было то, что чутьё функционала-полицейского молчало — даже не намекнуло на присутствие кого бы то ни было в радиусе видимости. Незнакомец стоял в развевающейся на ветру мантии прямо посреди дороги, что вела к крыльцу функции Матвея. Он выглядел… чужим. И веяло от него иномирным смрадом, холодом и смертью. Глаза Сте-

пана округлились, когда он увидел, как почернела земля под ногами чужака, как стала расползаться эта чернота. Переместилась на траву. И та скручивалась и обращалась в прах, образуя идеально круглый, словно выжженный, островок, границы которого расширялись на глазах.

— Стоять! — голос полицейского прозвучал громче, чем он ожидал. Луч его фонаря бил прямо в скрытое плотной тканью лицо, но свет будто проваливался в эту тьму, не находя отражающей поверхности.

— Ты тоже сегодня умрёшь, — произнёс человек в мантии. Без эмоций. Как факт.

Степан сглотнул:

— Тоже?

— Как и тот седовласый функционал, что встретил меня здесь первым. Он уже не охраняет границу. Вообще ничего не охраняет, — незнакомец склонил голову, будто прислушиваясь к чему-то. — Хочешь знать, что он чувствовал в последний миг? Ничего. Абсолютно ничего. Пустота не умеет чувствовать.

Внутри Степана вспыхнули ярость, удивление и печаль одновременно. Сглотнув, он мысленно собрался и, пытаясь заглушить собственную неуверенность и нарастающий страх, прокричал:

— Ты нарушил закон! Вторжение. Убийство. Сдавайся, и мы предадим тебя суду! Возможно, даже сохраним жизнь!

Из-под складок ткани капюшона донеслось тихое цоканье,

больше похожее на хруст ломающегося стекла.

— Ваш закон? — Сарас склонил голову, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Голос его был мягким, проникающим, обволакивающим сознание, как ядовитый дым. — Ваш закон жалок. Чего стоит он против хаоса и пустоты стёртых миров, чьи последние вздохи я слышал лично? Твой мир тоже канет в Лету. А ты говоришь мне про суд? — повисла пауза, и Степану показалось, что он слышит в этой паузе далёкие, затухающие крики миллионов. — Ваш час пробил, — добавил Сарас, смакуя слова.

Полицейский почувствовал, как его собственная защита, и без того ослабленная удалённостью от функции, начала трещать и рассыпаться. Трясущейся рукой он выхватил из кобуры пистолет. С трудом поднял руку. Та будто одеревенела, сделалась чужой. Но он справился, победил отказывавшее ему тело. Преодолев сопротивление непослушных пальцев, Степан нажал на спусковой крючок три раза. Все три пули угодили в грудь врага. Точнее, они пролетели насквозь, оставив лишь еле заметные отверстия в его мантии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.